

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ЭКОНОМИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
CENTRAL ECONOMICS AND MATHEMATICS INSTITUTE

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК



RUSSIAN
ACADEMY OF SCIENCES

А.Н. Данков

РЕТРОСПЕКТИВА НОВОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ:
ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Препринт # WP/2003/161

МОСКВА
2003

Данков А.Н. Ретроспектива новой политической экономики: эволюция взглядов во второй половине XX века. / Препринт # WP/2003/161. – М.: ЦЭМИ РАН, 2003. – 78 с. (Рус.)

Проблемы взаимного влияния экономической и политических систем в течение второй половины XX века были предметом пристального изучения как в экономической науке, так и среде политологов и социологов. В данном обзоре обобщаются исследования, которые стали основными вехами в эволюции представлений о влиянии политических институтов и процессов на функционирование экономики: «Экономическая теория демократии» Э. Доунса, цикл статей, составивших теорию политического делового цикла (У. Нордхауз, Э. Тафт, Д. Гиббс, П. Мосли), монография «Политическая экономия» Т. Перссона и Д. Табеллини, а также монография «Политическая конкуренция» Д. Рёмера. На основе обобщения постулатов и выводов рассмотренных исследований систематизирован понятийный аппарат новой политической экономики.

Автор выражает благодарность всем сотрудникам Лаборатории Моделирования экономико-политических процессов ЦЭМИ РАН за конструктивное обсуждение работы, особенно с.н.с. к.ф.-м.н. А.В. Марченко, а также с.н.с. ЦЭМИ РАН к.ф.-м.н. С.В. Борисовой и к.э.н. А.В. Чумаченко из Министерства финансов РФ за содействие, позволившее завершить эту работу.

Автору приятно выразить благодарность за поддержку исследований Фонду содействия российской науке.

Ключевые слова: новая политическая экономия, политические институты, поведенческие модели.

Dankov A.N. New Political Economy in Retrospective: Evolution of Sights in Second Half XX Centuries. / Working paper # WP/2003/161. – Moscow, CEMI Russian Academy of Sciences, 2003. – 78 p. (Rus.)

We review of the literature on new political economy in second half XX centuries. In this review researches which became the basic marks in evolution of representations about influence of political institutes and processes on functioning of economy are generalized. The monography «Economic Theory of Democracy», which author is A. Downs, the cycle of articles which have made the theory of a political business cycle (W. Nordhaus, E. Taft, D. Hibbs, P. Mosly), the monography T. Persson and G. Tabellini «Political Economics: Explaining Economic», and also the monography «Political Competition: Theory and Applications» J. Roemera are considered.

On the basis of generalization of postulates and conclusions of the this researches the key conception of new political economy is systematized.

ISBN 5-8211-0275-8

© Данков А.Н., 2003 г.

© Центральный экономико-математический институт Российской академии наук, 2003 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА БЕЗ ПОЛИТИКИ И ПОЛИТИКА БЕЗ ЭКОНОМИКИ.....	4
ПРЕДПОСЫЛКИ НОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ.....	7
РЕТРОСПЕКТИВА МЕНЯЮЩИХСЯ ПАРАДИГМ	22
Экономическая теория демократии.....	22
Теория политического делового цикла.....	42
Позитивная политическая экономия	54
Политическая конкуренция.....	58
ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ НОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ.....	62
Политические институты	62
Поведение политических акторов	67
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	72
ЛИТЕРАТУРА	73
ОБ АВТОРЕ.....	78

ЭКОНОМИКА БЕЗ ПОЛИТИКИ И ПОЛИТИКА БЕЗ ЭКОНОМИКИ

Вынесенная в заголовок раздела цитата из работы Джеймс Альта и К. Алек Кристал «Политическая экономика» (Alt and Chrystal, 1983, p. 4) наилучшим образом характеризует состояние исследований взаимного влияния экономической и политической жизни, которое имело место в первой половине XX века. Однако это не означает, что подобных исследований не было вовсе. Но в силу того, что «возможность того, что правитель может быть конституционно смещен со своего поста в ходе свободных выборов, появилась в истории управления достаточно недавно» (Batler and Stokes, 1969, p. 15), равно как и демократия, как «институциональное приспособление для принятия политических решений, при котором индивиды получают возможность влиять на власть, используя в качестве инструмента соперничество политических сил в погоне за голосами граждан» (Schumpeter, 1947, p. 269), в нынешнем виде оформились относительно недавно, исследования взаимного влияния экономики и политики распались на два периода, между которыми пролегла полоса скептического забвения.

С первых экономических исследований и вплоть до Карла Маркса, роль правительства в экономической жизни всегда была в центре внимания и составляла предмет «политической экономии» («политэкономии»). Кембриджская энциклопедия определяет, что «политическая экономия» это «название, которое было дано экономике в конце VII – начале XX веков» (Crystal, 1990, p. 958).

Однако в первой половине XX века политэкономия постепенно стала лишь одним из подразделов экономики. «Новый краткий оксфордский словарь английского языка» определяет «политическую экономию» как «одно из направлений экономики, предметом изучения которого являются экономические проблемы правительства» (Brown, 1993, p. 782). В течение этого периода экономисты изучали экономическую политику (Keynes, 1936; Friedman, 1953; многие другие), оперируя понятиями, определяемыми в результате политического процесса: ставки налогообложения, уровень бюджетных расходов, государственный долг и т.д. Можно сказать, что эволюция макроэкономики в первой половине XX века создала основу для учета политического характера экономической политики. Тогда как классическая экономика не имела базы для учета роли политического фактора, кейнсонианцы сделали государственный бюджет главным инструментом экономической политики, а монетаристы и неоклассики ограничили масштаб такой политики.

В тот же период политологи независимо от экономистов рассматривали природу власти (Lasswell, 1948; многие другие классики) и отдельные аспекты политического процесса, например, деятельность представительной власти и электоральный процесс (Lazersfeld, Berselson and Gaudet, 1944), иногда используя при этом экономические понятия (Herring, 1929; Schattschneider, 1935). Такое положение вещей сохранялось до середины XX века.

Во второй половине XX века наступившая после Маркса утрата интереса к традиционной политэкономии сменилась новой волной интереса к изучению роли правительства в государстве всеобщего благоденствия, и наполнению, на фоне изменения исторических обстоятельств и мировоззренческих тенденций, термина «политическая экономия» новым содержанием. Риторический вопрос Энтони Аткинсона «Можно ли считать, что «политэкономия» и «экономика» идентичны» и сразу данный им ответ «сегодня это далеко не одно и то же» (Аткинсон, 1999, с. 685) свидетельствует о том, что некоторые авторы позиционируют современную политическую экономию как область знания, выходящую за пределы экономики. По их мнению, современная политическая экономия есть отрасль социальных наук, стремящаяся к более широкому, в сравнении с основными направлениями экономики, осмыслению экономических проблем (Альт и Алезина, 1999).

Более того, ряд авторов полагает, что научные устремления политической экономии более амбициозны, чем исследовательские притязания экономики, политической науки и социологии. Например, Жан Дрезе и Амартия Сен однозначно высказываются против рассмотрения политической экономии как одного из направлений экономики, поскольку, по их мнению, такое определение «представляет собой отголосок более ранних, традиционных взглядов на рассматриваемый предмет. Многие направления исследований, которые сегодня рассматриваются как междисциплинарные, Смит, Милль или Маркс отнесли бы исключительно к области политической экономии» (Dreze and Sen, 1995, p. 14–15).

Отсчет времени новой политической экономии начался после пионерной работы Энтони Доунса «Экономическая теория демократии», которая сделала взаимное влияние экономики и политики предметом специального изучения (Downs, 1957). Возникший интерес то разгорался, как было в середине 1970-х годов, когда появились четыре работы, составившие основу концепции «политического делового цикла», то несколько угасал.

Совершенствовался инструментарий исследователей. Если работа Доунса содержала вербальную модель, то последующие исследователи приняли на вооружение графические модели (см. напр.: Nordhaus, 1975), регрессионный анализ (см. напр.: Alt and Crystal, 1983) и теорию игр (см. напр.: Persson and Tabellini, 2000).

Динамика исследований влияния политики на экономику сама стала предметом изучения. Работы, составляющие основу концепции «политического делового цикла», были обобщены в монографии «Политическая экономия» (Alt and Crystal, 1983), концепция и многие положения которой заимствованы для изложения теории политического делового цикла в данной работе. Затем Джеймс Альт и Альберто Алезина подготовили ретроспективу современной новой политической экономии, отобрав для нее наиболее актуальные и одновременно достаточно репрезентативные работы (Альт и Алезина, 1999). Позднее Жан-Питер Олтерс сделал критический обзор литературы, посвященной моделированию политики с использованием инструментария экономических исследований (Olters, 2001). Интересный об-

зор работ в рамках новой политической экономии подготовлен Рустемом Нуреевым в одном из первых российских учебно-методических пособий по теории общественного выбора (Нуреев, 2002).

В отличие от упомянутых работ, целью данного ретроспективного обзора было стремление проследить основную тенденцию развития исследовательской традиции новой политической экономии, в том числе с учетом результатов некоторых новейших исследований (Perrson and Tabellini, 2000; Romer, 2001) и, главное, акцентировать ключевые расхождения в существующих концепциях новой политической экономии.

Разумеется, предлагаемый здесь ретроспективный обзор построен на субъективном видении проблемы, в связи с чем некоторым аспектам уделено больше внимания, тогда как ряд не менее значимых традиций, таких как, например, договорной подход (Маджоне, 1999), сравнительные исследования (Мэр, 1999; Хофферберт и Сингранелли, 1999; Чилкот, 2001) и экономика голосования (Alt and Crystal, 1983) остались в тени. Однако если бы задача состояла лишь в простом перечислении всех, кто внес вклад в становление и развитие новой политической экономии, обзор вряд ли бы сократился в размерах.

ПРЕДПОСЫЛКИ НОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Ретроспективный обзор исследований новой политической экономики целесообразно предварить сжатым изложением основных постулатов ряда наиболее влиятельных исследовательских традиций XX века – агентской теории, теории рационального выбора, а также институциональной и пространственной теорий, на положениях которых базируется новая политическая экономика и которые долгое время являлись самостоятельными инструментами изучения влияния политики на экономику.

Агентская теория (Berle and Means, 1932) применительно к политике предполагает, что избираемые альтруистически мотивированные кандидаты (агенты) являются представителями граждан (принципалов), которые, будучи избранными, честно представляют в органах власти интересы своих избирателей. Другими сферами приложения агентской теории являются отношения между политическими партиями и выдвигаемыми ими кандидатами на выборные должности (Downs, 1957; Roemer, 2001), и отношения между избранными политиками и профессиональной бюрократией, исполняющей решения политиков (Niskanen, 1971; Miller and Moe, 1983; Weingast, 1984; Weingast and Moran, 1984; McCubbins, Noll and Weingast, 1987; 1989; Cowhey and McCubbins, 1995; Horn, 1995).

Молчаливым следствием из агентской теории является предположение о максимизации общественного блага как главной цели деятельности государства, в связи с чем на первый план выходят вопросы обеспечения равного доступа представителей всех социальных классов в органы власти и совершенствования прозрачности деятельности органов власти.

На ранней стадии агентская теория игнорировала наличие у избранных агентов собственных интересов, которые влияют на состав и содержание принимаемых ими решений. Впоследствии, однако, это явление стало предметом многочисленных исследований, черту под которыми подвел Дуглас Норт, заявив, «что поведение законодателей при голосовании невозможно объяснить в узких рамках модели «принципал-агент», в которой агент (законодатель) честно отстаивает интересы принципала (избирателей). Собственная функция полезности агента – его суждение о том, каким должен быть мир – играет роль в том, каковы будут результаты его деятельности» (Норт, 1997, с. 39).

Этот вывод подтверждается эмпирически. Исследование, охватившее 47 из 50 штатов в США, указывает на корреляцию между либерализмом политического курса и либерализмом мнений не превышающую 0,82 (Erikson, Wright and McIver, 1993, p. 78). Это означает, в наиболее общем смысле, что политический курс администрации штатов лишь в определенной мере соответствует желаниям их жителей, а значит, неверно утверждение, что поведение политиков полностью подконтрольно избирателям.

Причина такой ситуации кроется в асимметрии отношений между политиками и избирателями. Несмотря на зависимость политиков от избирателей, первые находятся в более

выигрышном положении, когда речь идет о формировании политического курса. Правящая партия на вполне законных основаниях и без компенсации может сократить те выгоды, на которые рассчитывали избиратели, голосуя за эту партию (Мое, 1990). Вместе с тем, избиратели, если рассматривать их как заинтересованную группу, а не отдельных голосующих граждан, не способных вести себя столь предусмотрительно, могут учитывать эту возможность при принятии электоральных решений.

Другая проблема с агентской теорией вытекает из сменяемости правящей партии. Хотя часто считается, что следующая правящая партия свободна от обязательств предыдущей, но в реальности правящая партия в ряде случаев подчинена не столько интересам своих избирателей, сколько последствиям политического курса, который проводили ее предшественники. Сформированные при прежних правящих партиях институты продолжают оказывать свое воздействие и требуются значительные издержки на их изменение, особенно если прежние партии приняли специальные меры по продлению срока действия созданных ими институтов (Landes and Posner, 1975).

Таким образом, наличие собственных интересов у агентов, асимметрия отношений власти и возможность предшественников влиять на политический курс правящей партии, в совокупности сделали необходимым значительное расширение исходного упрощенного понимания демократического представительства, как простого отношения «принципал-агент» и обусловили уход в тень агентской теории как ведущей исследовательской парадигмы.

Вторая наиболее влиятельная исследовательская традиция XX века – теория рационального выбора, – ставит поведение индивида в зависимость от его предпочтений. Теория предполагает ряд условий: (1) наличие некоторого числа индивидов, всегда принимающих решения при столкновении с набором альтернатив; (2) четко выраженные транзитивные интересы у каждого индивида, позволяющие им ранжировать все доступные альтернативы; (3) рациональное стремление индивида максимизировать свои интересы в пределах ресурсов, имеющихся в их распоряжении, знаний, которыми они обладают, и ожиданий как в отношении действий других индивидов, так и относительно последствий своих собственных действий. В то же время общепринятые нормы, традиции, типологические особенности, лояльность по отношению к согражданам, равно как и другие переменные аналогичного характера играют малозначительную роль. В таких условиях в социальных системах достигается стабилизация и устойчивое равновесие, когда ни один из акторов не может улучшить свое положение за счет отхода от установленной модели поведения (Green and Shapiro, 1994, p. 25).

Анализ с позиции теории рационального выбора был применен к основным демократическим институтам и структурам, включая конституции (Buchanan and Tullock, 1962; Brennan and Buchanan, 1984; Elster, 1989; Hardin, 1989; Ordeschook, 1993; Weingast, 1995b), органы законодательной и исполнительной власти (Austen-Smith and Banks, 1988; Cox and McCubbins, 1993; Fiorina, 1989; Kiewiet and McCubbins, 1991; Krehbiel, 1991; Laver and

Schofield, 1990; Laver and Shepsle, 1996; Eskridge, 1991; Matthews, 1989; Moe, 1985a), бюрократию (Ferejohn and Shipan, 1989; Fiorina, 1981; 1989; McCubbins, Noll and Weingast, 1987; McCubbins and Schwartz, 1984; Moe, 1987b, 1989; Noll, 1987, 1989; Rothenberg, 1994; Weingast and Moran, 1983), судебные системы (Rodrigues, 1994), избирательные системы (Bawn, 1993; Cox and Rosenblath, 1993; Kousser, 1974), а также отдельные вопросы финансирования избирательных компаний (Austen-Smith, 1987; Baron, 1991; Snyder, 1991), влияния законодательных инициатив и референдумов (Gerber, 1996). Наряду с политическими вопросами, в рамках теории рационального выбора рассматривается влияние политических институтов на принятие макроэкономических решений (Persson and Tabellini, 2000) и бюджетные решения (Cogan, 1994; McCubbins, 1989).

Однако столь масштабная экспансия теории рационального выбора не могла не вызвать столь же масштабной критики, главным образом в силу того, что не существует *a priori* причин предполагать, что действия человека разумно направлены на достижение сознательных целей. Упреки в «научном максимализме» теории рационального выбора звучат со всех сторон (Алмонд, 1999, с. 102).

Известные критики теории рационального выбора Дональд Грин и Ян Шапиро ставили ей в вину увлечение бесполезным формализмом. Критикуя эмпирические работы сторонников теории рационального выбора, Грин и Шапиро отмечают незначительность достигнутых ими результатов, поскольку они «казалось, были так сильно заинтересованы в разработке самой теории, что хлопотливое дело эмпирических проверок оставляли на потом или для других. Кроме того, мы полагаем, что крах их эмпирической программы коренится еще и в расчетах теоретиков рационального выбора на создание всеобщей политической теории» (Green and Shapiro, 1994, p. 10). В ответ на эту критику Джон Ферджон и Дебра Сац заявляли, что «развитие любой науки стимулируется стремлением к единству и поиску универсальных объяснений. Исключая универсализм философских основ, Грин и Шапиро перечеркивают стремление к объяснению окружающего мира, присущее социальным наукам» (Ferejohn and Satz, 1995, p. 83).

С другого фланга теория рационального выбора критикуется за индивидуалистическую доминанту в принятии решений, свойственную экономике, тогда как процесс, по мнению некоторых исследователей, гораздо лучше объясняется коллективистскими факторами (March and Olsen, 1984, p. 736–737).

Объектом критики становятся экономические корни теории рационального выбора, поскольку, по мнению некоторых авторов, посылки о высоком уровне эгоизма, наличии полной информации, способности индивидов однозначно и последовательно рассматривать все имеющиеся варианты решений и возможности максимизировать ожидаемую выгоду, более полезны при анализе рыночных отношений, а не проблем институционального характера (Riker and Ordeshook, 1973). Аналогичной позиции придерживается Манкур Олсон, говоря,

что направленные на достижение общего блага действия отдельных людей неверно объяснять корыстным желанием получить личную выгоду за внесенный ими вклад в дело (Olson, 1965). С тех же позиций Дуглас Норт ставит в пример Ховарда Марголиса, который «в 1982 году разработал модель, в которой индивидуальное поведение частично детерминируется альтруистическими мотивами. Марголис утверждает, что индивиды имеют два типа функций полезности: одни благоприятствуют предпочтениям ориентированным на группу, а другие – эгоистическим предпочтениям, и индивиды должны делать выбор между обоими типами полезностей. Эта модель позволяет ему объяснить некоторые модели поведения при голосовании, которые представляются бессмысленными в рамках поведенческой модели индивида, стремящегося к максимизации личной выгоды» (Норт, 1997, с. 30).

Против этой критики убедительно возражают представители новой политической экономии, которые соглашаются, что «экономисты предполагают, что участники обмена действуют рационально. Это означает, что из данного набора альтернатив, индивиды выбирают одну, дающую больший субъективный выигрыш в стоимости. Некоторые теории избегают предположения о максимизации. Хорошо известный пример это модель «удовлетворяющего» поведения, в которой акторы довольны некоторым пороговым уровнем благ. Однако нет теории предполагающей, что индивиды, сталкивающиеся с выбором между большими и меньшими чистыми выгодами, могут намеренно выбрать меньшее» (Alt and Chrystal, 1983, p. 7).

Большое число претензий к теории рационального выбора предъявляют в связи с наличием, в некоторых случаях, множественных состояний равновесия в политических и экономических системах, и невозможностью предсказать, какое именно из них будет соответствовать той или иной конкретной системе (Bianco and Bates, 1990, p. 137; Bicchieri, 1993). Как заметил в этой связи Джон Ферджон, «может произойти почти все, что угодно» (Ferejohn, 1991, p. 284). Следствием этого стал отход теории рационального выбора от предсказания наиболее вероятного решения и усиление внимания к институтам, оказывающим давление на акторов при выборе ими той или иной стратегии действия, к изучению правил игры (Shepsle, 1986). Последние определяются как ограничители действий акторов, регулирующие последовательность шагов, предпринимаемых в процессе взаимодействия, влияющие на выбор решения и структуру доступной информации (Норт, 1997).

Другой фронт критики теории рационального выбора открыли сторонники концепции ролевого поведения в версии Герберта Саймона (Simon, 1955; 1957), в которой институты диктуют акторам выбор предпочтений в каждой ситуации, так что акторы следуют «сценариям» или «шаблонам» поведения. Можно даже сказать, что институты творят своих акторов, их видение реальности и приоритеты значимости. Акторы, как правило, не рассчитывают, какое именно действие наиболее выгодно в конкретной ситуации, а действуют в соответствии со своей «ролью», что делает поведение акторов «ситуационным». В теории рациио-

нального выбора, напротив, институты рассматриваются как свободные от собственных предпочтений, и, более того, как лишь определяющие порядок взаимодействия акторов и не оказывающие никакого влияния на их предпочтения. При этом при изменении институтов акторы меняют свои стратегии, но не предпочтения.

Наконец нельзя не упомянуть о «парадоксе» явки на выборы, который является одним из распространенных поводов для критики теории рационального выбора. Работа Энтони Доунса, о которой будет сказано ниже, в значительной мере посвященная вопросу о рациональном неучастии в выборах, снимает большую часть этих претензий (Downs, 1957). Здесь лишь стоит указать на необходимость правильного применения теории рационального выбора. Вместо вопросов о причинах, побуждающих избирателей принимать участие в выборах, перед которыми теория рационального выбора бессильна, поскольку она имеет дело с рациональным выбором средств достижения целей, а не самих целей, уместнее ставить более адекватные для данной теории вопросы, такие как прогнозируемый размер явки избирателей на выборы или зависимость явки избирателей от изменений институциональных факторов. Такая постановка вопросов предполагает, что избиратели выполняют разнообразные функции и помогает выявить факторы, которые влияют на поведение избирателя хотя бы в небольшой степени, вместо того чтобы просто пытаться отгадать, зачем избирателям нужно что-то знать или что ими движет.

Подводя промежуточный итог полемики сторонников и противников теории рационального выбора, можно констатировать определенную справедливость обеих позиций. Действительно, претензии в максимальном универсализме и стремлении к созданию всеобъемлющей теории оправданы, хотя лишь в отношении незначительного меньшинства сторонников теории рационального выбора.

С другой стороны, существуют исследовательские проблемы, где использование теории рационального выбора позволяет изучать принятие решений, в максимальной степени соответствующих предпочтениям, при которых мотивы, – будь то эгоизм, альтруизм, чувство долга или что-то другое, – не имеют значения. Такими проблемами, например, являются голосования в рамках комитетов и формирование политическими партиями коалиций для практической реализации своего политического курса. В этих и многих других случаях умеренная версия теории рационального выбора удовлетворительно аппроксимирует поведение политических и экономических акторов, если при этом не игнорировать тот факт, что коллективное и ситуационное поведение, институциональные ограничения и многие другие факторы имеют место и их учет помогает точнее исследовать действия по максимизации интересов.

Третья влиятельная исследовательская традиция – новая институциональная теория (Уильямсон, 1996; Норт, 1997), – возникла в ответ на невнимание, которое теория рационального выбора уделяла условиям, в которых взаимодействовали рациональные акторы.

Хотя политические институты воспринимались как арена политических баталий между акторами, интересы которых заранее определены, но специфика самой «арены» не рассматривалась в качестве важной переменной при определении результатов этих баталий (March and Olsen, 1984; 1989; Steinmo and Thelen, 1992). Иначе говоря, свойственная предшествующим исследовательским концепциям «тенденция сводить объяснение политических процессов к анализу социальных, экономических или культурных переменных привела к тому, что значение институциональных и организационных форм в политической жизни оказывалось близким к нулю» (March and Olsen, 1984; 1989). Однако со временем пришло понимание важности институтов, и здесь нельзя не согласиться с утверждением, что «современная институциональная экономическая теория должна изучать человека таким, каков он есть на самом деле, – действующего в рамках ограничений, налагаемых реальными институтами» (Coase, 1984, p. 231).

Новая институциональная теория постулирует ряд принципов: (1) четкое разграничение «игроков» и «правил игры», (2) редкость ресурсов, (3) затратный характер транзакций, (4) эндогенный характер институтов и (5) возможность оппортунистического поведения игроков. Последний принцип будет подробнее рассмотрен ниже, при анализе поведения игроков, пока целесообразно сосредоточится на политических институтах и их влиянии на экономическую политику.

Политические институты можно определить как «формальные соглашения, достигнутые группами людей, поведение которых регулируется применением четко определенных правил и процессом принятия решений и подкрепленных полномочиями одного лица или группы лиц, формально обладающих властью» (Levi, 1990, p. 405). Хотя такая формулировка исключает из состава политических институтов культуру и нормы поведения, а также другие неформальные институты, существование которых допускается более широким определением институтов в рамках институциональной теории, но это не значит того, что они не существуют или не важны. Напротив, их отсутствие в определении – это высокая цена, которую приходится платить за ограничение исследования разумными масштабами.

Политические институты, присутствующие в том или ином виде в каждом обществе, включают четыре типа: (1) законодательные, обеспечивающие принятие решений относительно регулирования общих интересов, (2) исполнительные, создаваемые для претворения в жизнь принятых решений, (3) судебные, позволяющие урегулировать спорные вопросы и интерпретировать общие правила в конкретных случаях, и (4) принуждения, обеспечивающие наказание нарушителей общих правил, вне зависимости от их принадлежности к обществу. Каждый институт состоит из подразделений, каждое из которых обладает своими нормами, определяющими порядок замещения должностей, организационную процедуру процесса принятия решений и т.д. Любая демократическая, как и недемократическая власть, нуждается в данных типах институтов для разработки и реализации того или иного политического

курса, а также для принятия решений о том, как поступать с теми, кто его нарушает, и приводить эти решения в исполнение.

В демократических государствах политические институты могут быть представлены множеством специфических форм, что демонстрирует межстрановое сопоставление институциональных различий (табл. 1)

Таблица 1

Институциональные различия между демократическими режимами развитых капиталистических стран

Институт	Возможные формы института
Партийная система	Двухпартийная или многопартийная
Избирательная система	Пропорциональная или мажоритарная
Законодательное собрание	Однопалатное или двухпалатное
Структура правительства	Унитарная или федералистская
Центральная власть	Парламентарная или федералистская
Судебная система	Судебный контроль или судебная профилактика
Местные органы власти	Слабая автономия или сильная автономия
Государственная служба	Назначение по принципу выгоды или деловым качествам
Вооруженные силы	Профессиональная воинская служба или обязательная воинская повинность
Связь государства и экономики	Либеральная или корпоративная

Источник: Ротстайн, 1999, с. 151

В рамках новой институциональной теории существует ряд течений, по-разному акцентирующих суть политических институтов и их влияние на развитие экономических процессов. Согласно одной точке зрения институты являются инструментами достижения равновесия и точками такого равновесия, которые никто не заинтересован изменять. Определяя институты как инструменты достижения равновесия в происходящей социальной игре (Schotter, 1981), приверженцы этого течения акцентируют свойства (1) самоусиления институтов, благодаря которому институты уменьшают нестабильность и помогают справляться с проблемами сотрудничества в ситуациях коллективного выбора и коллективных действий (Calvert, 1995), и (2) координации, которое помогает выработать равновесную стратегию для урегулирования непредвиденных обстоятельств при повторяющихся взаимодействиях (Kreps, 1990).

Согласно другой точке зрения институты являются экзогенными формальными процедурами осуществления выбора, включающими самые разные правила, нормы и механизмы выбора, которые определяют развитие политической и экономической деятельности. В данном случае чаще всего фигурирует общая характеристика, данная Дугласом Нортон, который определил институты как «правила игры, принятые обществом, или, если подходить к вопросу более формально, созданные людьми ограничения, определяющие человеческие взаимоотношения» (North, 1990, p. 3). Иначе говоря, институты ограничивают число альтернатив и упорядочивают процесс выбора, который в отсутствии институтов осуществлялся бы хаотически.

Второе существенное расхождение взглядов в рамках институциональной теории имеет место при разграничении между игроками (политиками, избирателями, группами интересов из деловых кругов и т.д.) и правилами игры (институтами разделения властей и замещения политических должностей, законодательства и т.д.). Камнем преткновения здесь являются политические партии, законодательные и исполнительные органы власти и другие подобные политические структуры.

Сторонники одного направления, во главе с Оливером Ульямсоном, предлагают рассматривать политические структуры как «правила игры», в силу того, что они обладают набором отличительных качеств институтов – устанавливая правила игры, ограничивая число возможных альтернатив (Ульямсон, 1996). Сторонники другого направления, которое ассоциировано с именем Дугласа Норта, полагают, что перечисленные политические структуры следует рассматривать скорее как «игроков», нежели чем как «правила игры», поскольку они являются группами людей, стремящимися достичь какой-либо цели, или даже обладают собственными групповыми интересами, отличными от интересов составляющих их людей. В этой связи, политические органы и учреждения, такие как политические партии, сенат, городской совет, по мнению Норта, являются «политическими организациями» – (Норт, 1997, с. 9–10). Следует добавить, что дополнительное затруднение в вопросе об отнесении политических органов к «игрокам» или «институтам» вызывает тот факт, что «правила игры» могут быть либо процедурой, которой необходимо в точности следовать, либо руководством относительно того, как следует поступать.

Отмеченное методологическое различие начинает сказываться на самом общем уровне, при анализе роли государства в экономике. При первом подходе государство является набором нейтральных институтов, которые регулируют взаимодействие неополитических акторов: граждан и корпораций. При втором подходе государство выступает в качестве самостоятельного игрока, который взаимодействует с деловыми кругами и избирателями, стремясь достичь собственных целей. Среди последних, разными авторами называются сохранение власти посредством переизбрания, извлечение ренты от пребывания у власти и проведение определенного политического курса.

Ситуация не станет проще, если «детализировать» государство, сфокусировавшись, например, на системе разделения властей. Представительная, исполнительная и судебная власти в первом случае будут набором правил, действуя в рамках которых, граждане и корпорации осуществляют взаимодействие друг с другом. При втором подходе парламент, правительство и суды наделяются собственными предпочтениями и целями, в том числе стремятся изменить существующие институты сообразно своим предпочтениям. На этот счет существует обширная литература, рассматривающая борьбу бюрократов за максимизацию бюджета (Niskanen, 1971), стремление политических деятелей максимизировать полученные

голоса избирателей, и стремление избирателей извлечь максимум пользы (Downs, 1957), стремление штатов к максимизации своей юрисдикции (Scharpf, 1994).

Другими словами, суть различий названных подходов в том, что «институты, наряду со стандартными ограничениями, описываемыми экономической теорией, формируют возможности, которыми располагают члены общества. Организации создаются для того, чтобы использовать эти возможности, и по мере своего развития организации меняют институты» (Норт, 1997, с.23). Очевидно, что второй подход – рассмотрение политических структур как игроков – обещает больший прогресс в исследованиях, однако, ценой этих ожиданий является потеря ясности и простоты, присущей первому подходу. В таких условиях вряд ли можно заранее отдать предпочтение какому либо из двух подходов.

Несмотря на отмеченные расхождения в новой институциональной теории некоторые принципы являются общими для всех течений. Одним из таких базовых положений является редкость ресурсов. Институциональная теория постулирует, что институты являются правилами доступа к законному использованию редких ресурсов, таких как, например, власть и возможность определять направления расходования бюджетных средств. Другими словами, институты определяют порядок воплощения в жизнь различных интересов, учитывая тот факт, что сама по себе редкость ресурсов и трудность доступа к ним создают основу для конкуренции и конфликтов из-за них. Институты регулируют борьбу различных интересов и определяют правила этой борьбы, а также возможные цели этой борьбы, но не действия, которые предпринимают игроки в рамках институционально определенного пространства возможностей, выбора и стимулов.

Безусловно, самым редким из ресурсов в рассматриваемом контексте является власть. Зная, что понятие «власть» таит в себе множество опасностей, и не желая увязнуть в трясине бесплодных дискуссий, предположим, что сохраняет свою актуальность определение власти, использованное Робертом Далем (Dahl, 1963). В соответствии с ним, некто *A* обладает властью над неким *B* постольку, поскольку, во-первых, *A* тем или иным способом может заставить *B* сделать нечто, что, во-вторых, соответствует интересам *A* и что, в-третьих, сам *B* иначе не стал бы делать.

Это определение оставляет открытыми несколько проблем, отмеченных Гербертом Саймоном (Simon, 1957). Во-первых, отношение власти является асимметричным, так что *A*, имеющий власть над *B*, может заставить *B* делать нечто, не делая ничего в ответ. Во-вторых, отношение власти существует на конечном множестве, в том смысле, что имеющий власть *A* может заставить *B* делать нечто, но не что-то другое. В-третьих, отношение власти проявляется не только через использование власти, но также и во встречных ожиданиях, поскольку наличие у *A* власти над *B*, искажает поведение *A* и *B*, или более категорично, что «власть реализуется посредством стимулов и угроз» (Alt and Chrystal, 1983, p.8). К этому можно добавить, что необходимо учитывать отношение «влияния», которое, в отличие от власти, не

предполагает механизма принуждения, а также исторический контекст, поскольку отношения власти в условиях монархии, демократии и олигархии значительно отличаются.

Перечисленное выше заставляет сузить определение понятия «власть» применительно к рассматриваемой демократической системе и отдать предпочтение сложной динамической конструкции, подобной использованной Гербертом Саймоном: (1) политическая власть возникает в результате занятия позиции в структуре государственного управления; (2) позиция в структуре управления имеет потенциал власти, которым наделяется занявший ее актор; (3) применение власти изменяет потенциал власти актора; (4) потенциал власти актора определяет возможность занятия позиции в структуре управления в будущем. В схематической форме понятие «политическая власть» представлено на рис. 1.



Рис. 1. Понятие «политическая власть»

Как следует из рис. 1, ключевым элементом отношения власти является индивидуальный или коллективный актор, обладающий политическим рейтингом, который меняется в результате принятия политических решений и определяет будущие политические перспективы актора. При этом молчаливо предполагается, что существуют институты, обеспечивающие доступ к законному использованию редких ресурсов, таких как, например, демократические выборы и парламентский контроль, в отсутствие которых система власти становится полностью «автономной» от общества и с неизбежностью скатывается к диктатуре. С другой стороны, недостаточная «автономия» системы власти, неоправданно сильно стянутая системой «сдержек и противовесов», является преградой для поступательного развития (Aghion, Alesina and Trebbi, 2002).

Вторым общим для всех течений в рамках новой институциональной экономики принципом является затратный характер трансакций, осуществляемых игроками, обусловленный неопределенностью и необходимостью получения и обработки информации для принятия решений, и роль политических институтов в снижении стоимости трансакций. Институты увеличивают предсказуемость, снижают уровень неопределенности и приносят стабильность в отношения. Именно экономические и политические институты определяют, насколько сопровождающиеся издержками трансакции позволят или помешают получить выгоды от обмена. Например, когда государство обеспечивает гражданам общественные блага, оплачиваемые в форме налогов, граждане несут издержки по определению адекватного качества необходимых благ, наблюдению за эффективностью их предоставления, защите прав на равный доступ к ним, информированию государства о своих потребностях, поиску

компромиссов между различными частями общества, прямо или делегируя и оплачивая эти функции политическим партиям, или, нередко, самому государству. В этих условиях существование института выборов, позволяющего демократическим образом заменить обладающего властью политического игрока, который осуществляет неэффективное предоставление общественных благ, более эффективным, снижает издержки на сбор налогов.

В приведенном примере интересны также два обстоятельства. Во-первых, существование института выборов снижает издержки на сбор налогов, однако при отсутствии этого института сбор налогов никогда не прекратился бы, так как введение налогов есть использование власти: принуждение государством налогоплательщиков уплачивать средства в государственный бюджет. Во-вторых, в описанной схеме граждане также несут издержки, связанные разновременностью выплаты налогов и получения общественных благ, и с отсрочкой возможности скорректировать деятельность государства ввиду периодичности выборов, которые часто, из-за особенностей институционального дизайна, нельзя устранить даже значительно увеличивая издержки.

Названные обстоятельства дали повод для критики институциональной теории. В жесткой форме претензия сводится к тому, что институты демократического государства, главным образом представительной власти, являются лишь фасадом, который прикрывает интересы деловых кругов, на деле принимающих ответственные решения. Более умеренные критики утверждали, что рациональные акторы просто создавали те типы политических институтов, которые были призваны служить их заранее заданным целям. Отчасти убедительность этой критики подкреплялась тем обстоятельством, что во многих крупных исторических событиях, таких как победа большевистской революция в России, становление нацизма в Германии, победа коммунистов в Китае, падение Берлинской стены и объединение Германии, роль формальных политических институтов была либо очень невелика, либо вообще сводилась к нулю.

При внешней красноречивости последнего тезиса, данная критика оказалась не опасна для новой институциональной теории, хотя явилась сильным ударом по позиции тех, кто считал, что институты являются экзогенными формальными процедурами осуществления выбора, но упускал тот факт, что институты – это «созданные людьми ограничения» (North, 1990, p. 3). Люди создают и изменяют политические институты. Говоря словами Норта, «правила, во всяком случае большая часть из них, создаются в интересах скорее частного, чем общественного благополучия» (Норт, 1997, с.69), причем не всегда этот процесс протекает бесконфликтно. Достаточно вспомнить грустные пророчества судьи Кента в Нью-Йорке, говорившего, что всеобщее избирательное право отдаст политическую власть «в распоряжение людей, которые не понимают природы и значения предоставленного им права» и позволит «беднякам и мотам контролировать богатых» (де Токвиль, 2000, с. 5).

Если оставить в стороне революционные трансформации, подобные упомянутым выше, отвергающим суть существующих институтов, то практика демократических государств свидетельствует, что возникновение и развитие политических институтов происходит в контексте существующих институтов, при этом более глубокие изменения институтов связаны с более сложными правилами реализации таких изменений, выходящими за общие правила, используемые при принятии рутинных решений. Например, в Российской Федерации принятие законодательного акта требует поддержки простого большинства числа законодателей, тогда как конституционный законодательный акт требует квалифицированной поддержки, а изменение некоторых положений Конституции осуществляется путем всенародного голосования.

В более общей формулировке, правило изменения правил ставит изменения в зависимость от числа голосов, выступающих за данную альтернативу. В наиболее сложном случае, изменения требуют прямой поддержки большинства граждан, тогда как в менее сложных случаях достаточно лишь поддержки их представителей, а в наиболее простых случаях решение принимается исполнительной властью в рамках ранее установленных правил без учета мнения граждан и их представителей. Такой подход обеспечивает (1) минимизацию издержек и (2) практическую реализацию того принципа, что институты меняются тогда и только тогда, когда существует большинство, которое может достичь своих целей посредством изменения институтов, но не может реализовать их в рамках существующих институтов. Естественно, что изменение институтов осуществляется в направлении, необходимом для достижения большинством своих целей. Интересный практический пример такого рода решения имел место в Швеции, где избиратели из экономически благополучных регионов Швеции, не имея возможности напрямую сократить размеры трансфертов в бедные регионы, высказались на референдуме 1994 г. за вступление Швеции в Европейский Союз, где такие трансферты ограничиваются. Причем последнее соображение являлось доминирующим над желанием вступить в ЕС как таковым (Vlachos, 2003).

Будучи однажды начатым, процесс институциональных изменений будет развиваться. Вряд ли можно что-то противопоставить примеру, данному де Токвилем, что «когда какой-либо народ пытается изменить действующий в стране избирательный ценз, можно предположить, что рано или поздно он отменит его полностью. Таково одно из неизменных правил жизни любого общества. Чем больше расширяются избирательные права граждан, тем больше потребность в их дальнейшем расширении, поскольку после каждой новой уступки силы демократии нарастают и одновременно с упрочнением новой власти возрастают и ее требования» (де Токвиль, 2000, с. 63).

Процесс изменения институтов может рассматриваться как циклический. Институты детерминируют развитие событий, в результате которых рационально стремящиеся к реализации своих интересов акторы приходят к выводу о необходимости изменения институтов, и

возникает определенный цикл «саморазрушения»: институты творят акторов, цели которых в рамках данных институтов не могут быть реализованы, что приводит к изменению институтов и созданию, в определенном смысле, «более совершенных» институциональных условий.

С другой стороны, подверженность институтов целенаправленному изменению часто излишне преувеличивается, так как лишь немногие отдельные элементы существующих институтов, в целом определяемых исторической традицией, можно изменить в каждый период времени (Crouch, 1986). Дуглас Норт отмечает, что подлинный процесс эволюции институтов не имеет ничего общего с целенаправленной реализацией или хотя бы децентрализованным естественным отбором их наиболее эффективных форм (North, 1990). Институциональные изменения чаще происходят в силу изменения ценностей, которые обуславливают существование институтов, или они сами собой становятся несовместимыми с другими ценностями и институтами, но не благодаря запланированным соображениям повышения эффективности (Selznick, 1992).

Говоря о целенаправленном влиянии на развитие институтов, можно даже сказать, что не столько индивиды выбирают подходящие им институты, сколько, напротив, институты выбирают подходящих людей. Хотя это несколько преувеличено, но «законодатель похож на человека, который плывет в открытом море. Он может управлять своим кораблем, однако он не в силах ни изменить его устройство, ни вызвать ветер, ни помешать океану бушевать под килем корабля» (де Токвиль, 2000, с.138).

В более общем случае, с позиций концепции ограниченной рациональности и ролевого поведения Герберта Саймона, институты диктуют актерам выбор предпочтений в каждой ситуации, так что акторы следуют «сценариям» или «шаблонам» поведения. Можно даже сказать, что «институты творят или социально конструируют типы своих акторов, их атрибутику, видение реальности и приоритеты значимости» (Ротстайн, 1999, с. 163). Акторы, как правило, не рассчитывают, какое именно действие наиболее выгодно в конкретной ситуации, а действуют в соответствии со своей «ролью» в текущей ситуации, что делает поведение акторов «ситуационным». Такой подход приводит некоторых авторов к нормативным выводам о необходимости создания институтов, интегрирующих индивидов в общество (March and Olsen, 1989, p. 124ff.; Scott, 1991), что не совпадает с выводами с позиции традиционной теории рационального выбора, согласно которым следует сосредоточиться на создании институтов эффективно соединяющих индивидуальные предпочтения с коллективным выбором (March and Olsen, 1989, p.119ff.).

Причина отмеченных различий взглядов в том, что с точки зрения традиционной теории рационального выбора, предпочтения присущи только актерам, а по отношению к институтам они экзогенны. Акторы действуют в институциональных рамках с заранее определенным комплексом иерархически структурированных предпочтений. Институты опреде-

ляют порядок взаимодействия и не оказывают никакого влияния на предпочтения, а при изменении институтов акторы меняют свои стратегии, но не предпочтения.

Ситуационное поведение, напротив, предусматривает эндогенность предпочтений, в зависимости от институционального окружения. Этот подход находит все большее число сторонников, которые полагают, что институты трансформируют интересы (Wendt, 1992) и «задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия» (Норт, 1997, с. 17), и, более того, определяют легитимность акторов, их количество, доступность им информации (Steinmo and Thelen, 1992).

Что касается конкретных примеров политических институтов, то вопрос ставится о степени влияния институтов на игроков и степени влияния игроков на институты. Некоторые из институтов могут оказывать сильное влияние на игроков и одновременно быть невосприимчивыми к противоположенным воздействиям. Это может быть следствием самоподдерживающегося характера институтов, когда, например, политическая система предотвращает появление новых политических партий, лишенных груза ошибок прошлого, что бы система в целом могла эффективно функционировать, либо из-за значительных затрат на осуществление коллективного выбора или коллективных усилий, по крайней мере, с краткосрочных позиций.

Пол Милгром и Джон Робертс отмечают, что создание института влечет за собой возникновение некоего набора ценностей, полномочий или процедур (Milgrom and Roberts, 1990), в результате чего институты становятся трудно улучшить или уничтожить, даже если изменившиеся условия сделают изначально эффективные институты неэффективными. Эффективные политические институты регулируют взаимодействие игроков таким образом, что никто из акторов, стремящихся к получению преимуществ, не может нанести ущерб институтам своими произвольными действиями или стремлением к краткосрочной выгоде, грозящей значительно более существенными потерями долгосрочного характера. Вопрос об эффективности приобретает дополнительную остроту с учетом того факта, что институты часто становятся объектом стратегических манипуляций со стороны политических игроков, например, в ходе распределения министерских портфельей при формировании правительства парламентского большинства.

Наконец, последняя в данном кратком обзоре пространственная теория, предложенная Харольдом Хотеллингом и развитая Артуром Смитсом (Hotelling, 1929; Smithies, 1941), в отличие от ранее рассмотренных агентской теории, теории рационального выбора и новой институциональной теории, является главным образом инструментальной. Ее сущность состоит в том, что рациональный субъект выбирает решение, которое находится геометрически ближе к его идеальной позиции.

Хорошей иллюстрацией пространственной теории является оценка влияния субъекта, определяющего «повестку дня» – набор рассматриваемых альтернатив, на окончательное решение в органах власти. Пусть обладающий монопольным правом определения альтерна-

тив субъект имеет позицию S , а существующее в настоящее время решение обозначено Q (рис. 2). Принимающие решение субъекты имеют позицию M и могут либо поддержать предложение, либо сохранить существующее решение.

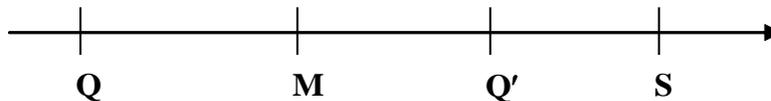


Рис. 2

В этих условиях, с одной стороны, существует приемлемый интервал $(Q, Q']$, в котором принимающими решения субъектами будут поддержаны любые альтернативы Q , а вне которого будет поддержано существующее положение Q , а с другой стороны, субъект, определяющий альтернативу, будет выбирать из множества реалистичных альтернатив наиболее соответствующую его идеальной позиции. В представленной на Рисунке 2 комбинации это будет соответствовать Q' , которое будет поддержано, поскольку $Q' \in (Q, Q']$. Нетрудно определить исход для другого положения S . Если S находится левее Q , то результат сведется в Q , а если S лежит в интервале $[Q, Q']$, то результатом станет S .

Выводы из пространственной теории применимы как к анализу поведения избирателей, имеющих идеальные предпочтения и из множества альтернатив выбирающих наиболее соответствующие их предпочтениям (Downs, 1957), так и поведения политических агентов, предлагающих решения наиболее соответствующие их собственным интересам и имеющие поддержку избирателей (см. напр.: Kollman, Miller and Page, 1997).

Наряду с одномерной моделью, в случае многомерного пространства политик пространственная теория также используется для анализа предвыборных маневров политических партий и поведения избирателей (см., напр.: Макаров и Данков, 2002).

Некоторые авторы применяют пространственную теорию для исследования деятельности законодательных органов, в которых представлены различные по численности политические партии. Партии могут формировать структурно стабильные группировки большинства, устойчивые к незначительным расхождениям на уровне программных партийных позиций в многомерном политическом пространстве. Составляющие программу политические позиции являются основополагающими в том и только в том случае, если они включены в комплекс компромиссных условий каждой минимальной выигрывающей коалиции. Более того, если незначительные изменения партийных программ не меняют структуры комплекса компромиссных условий каждой минимальной выигрывающей коалиции, то ситуация структурно стабильна (Schofield, 1992; 1993), и входящие в коалицию партии сформируют правительство парламентского большинства.

РЕТРОСПЕКТИВА МЕНЯЮЩИХСЯ ПАРАДИГМ

В качестве стартовой точки ретроспективного обзора традиции новой политической экономии выбрано исследование Энтони Доунса «Экономическая теория демократии», который, вслед за Кеннетом Эрроу (Arrow, 1951), поставил вопрос о влиянии политики на экономику во главу угла и, провозгласив «возврат к политэкономии» (Downs, 1957, p.18), открыл в середине XX века новый этап в изучении взаимного влияния экономики и политики.

Второй этап развития новой политической экономии ознаменовался появлением в 1970-х годах ряда исследований взаимосвязи политического и экономического циклов. Наибольшую известность получили работы Уильяма Нордхауса, Эдварда Тафта, Дугласа Хиббса и Поля Мосли (Nordhaus, 1975; Tafte, 1978; Hibbs, 1977; Mosley, 1978). Данные работы систематизированы, как представляется, наилучшим способом Альтом и Кристал (Alt and Chrysal, 1983).

Следующий этап развития новой политической экономии пришелся на 1990-е годы, когда большое число исследователей изучало отдельные составляющие влияния политических институтов на экономику, включая механизмы лоббирования, роль опросов общественного мнения, механизмы финансирования политических партий и многое другое. Исследования этого периода обобщены в авторитетной работе Торстена Перссона и Джудо Табеллини «Политическая экономия» (Persson and Tabellini, 2000), которая, возможно, может рассматриваться как итог развития новой политической экономии за первые пятьдесят лет.

Кроме того, в последние годы появилось много любопытных работ, среди которых можно выделить монографию «Политическая конкуренция» Джона Рёмера (Roemer, 2001), которой завершается нижеприведенная ретроспектива.

Экономическая теория демократии

Свое исследование Энтони Доунс начал с определения рациональности и объяснения ее определяющего значения при изучении политического поведения, уделив большое внимание разграничению рационального и иррационального поведения акторов. Первое, по мнению Доунса, может рассматриваться только по отношению к выбору средств достижения цели, но не применительно к выбору самой цели. Второе принципиально отличается от рационального поведения с систематическими ошибками, вызванными несовершенной информацией у актора. Результатом проведенного анализа стала жесткая установка на рациональность, что сделало теорию Доунса одним из краеугольных камней теории рационального выбора в новой политической экономии.

Разработанная Доунсом модель основывается на предположении, что «любое правительство стремится максимизировать политическую поддержку» (там же, с. 11). Помимо это-

го, модель предполагает наличие демократического порядка, когда проводятся периодические выборы, где правительство любого уровня, будь то национальное, региональное или муниципальное, стремится к переизбранию, а оппозиция – к приходу к власти. После каждых выборов победившая партия получает возможность контролировать правительство и свободу действовать по своему усмотрению в рамках конституции.

Существенной предпосылкой при спецификации модели Доунса является предположение, что правительство, иначе говоря, правящая партия не может мешать деятельности других партий, например, ограничивая свободу слова, неожиданно меняя сроки выборов и тому подобное. Экономическая власть, напротив, ничем не ограничена: можно провести полную национализацию или приватизацию, ввести или сократить любые налоги и расходы, кроме, опять таки, невозможности целенаправленно вредить политической оппозиции посредством экономической политики. Другой принципиальной предпосылкой, встречающейся уже в самом начале работы, является указание на наличие неопределенности, которая является одной из основных сил, влияющих на всю человеческую деятельность, в том числе экономическую (там же, с. 13).

Указанные предпосылки составляют систему ограничителей, в рамках которых Доунс ищет ответ на главный вопрос: «какая форма политического поведения рациональна для правительства и граждан при демократии» (там же, с. 20). Поиски ответа на этот вопрос Доунс начинает с повторения утверждения Милтона Фридмана, что «теоретические модели должны оцениваться прежде всего по точности их прогнозов, а не по реальности их посылок» (там же, с. 21), и заявления о стремлении к позитивной теории, не использующей разного рода «этические» нормативные утверждения.

Это позволяет Доунсу при анализе природы правительства уйти от составления полного списка типичных действий, которые различные правительства выполняют в разных условиях, и ограничиться определением правительства, использованного Робертом Далем и Чарльзом Линдбломом: «Правительство [это] организации, которые имеют достаточно монопольной власти, чтобы принудить к соблюдению организованного урегулирования споров с другими организациями на территории... Тот кто контролирует правительство обычно имеет «последнее слово» в споре; тот кто контролирует правительство может навязывать решения другим организациям на территории» (Dahl and Lindblom, 1953, p. 42).

Основанное на этом подробное дескриптивное определение правительства задает набор требований, соблюдение которых позволяет классифицировать правительство как «демократическое»:

- 1) одна партия (или коалиция партий) выбирается обществом на выборах для управления правящим аппаратом;
- 2) выборы проводятся через определенный интервал, продолжительность которого не может быть самостоятельно изменена правящей партией;

3) все совершеннолетние, дееспособные и законопослушные резиденты имеют право голосовать на каждых таких выборах;

4) каждый избиратель имеет один и только один голос на каждых выборах;

5) любая партия (или коалиция), получившая поддержку большинства голосовавших, наделяется правительственной властью до следующих выборов;

6) проигравшие на выборах партии никогда не пытаются силой или любыми незаконными средствами помешать победившей партии (или партиям) вступить в должность;

7) правящая партия никогда не пытается ограничить политическую активность никого из граждан или других партий до тех пор, пока те не пытаются свергнуть правительство силой;

8) существует две или больше партий, конкурирующих на каждых выборах за контроль над правящим аппаратом (Downs, 1957, p. 23–24).

Важное следствие из этого определения Доунса в том, что основную роль демократических выборов он видит в выборе правительства, а не, например, в определении политического курса, как предполагает агентская теория, или «наказании» разочаровавшей избирателей правящей партии, как предполагает подход Перссона и Табеллини, о котором будет сказано ниже. Интересно также, что Доунс рассматривает выборы как «сигнальный механизм». Так, в двух партийной системе победа правящей партии является мандатом на сохранение существующего политического курса, тогда как победа оппозиции является командой к его изменению, по крайней мере, в некоторых вопросах. Поэтому факт победы правящей партии или оппозиции сам по себе приводит к различиям в будущем политическом курсе, как не похожи были бы их предвыборные платформы и оценки политического курса в прошедшем электоральном периоде (там же, с. 42).

Ключевым в подходе Доунса является определение политических партий, которые являются группой людей, стремящихся к контролю над правящим аппаратом посредством законных выборов. Под «группой» понимается коалиция, чьи члены согласны относительно всех их целей, а не только некоторых. Поэтому каждый член группы имеет в точности те же цели, что и все остальные. Также предполагается, что все члены группы рациональны, а их цели едины, непротиворечивы и упорядочены (там же, с. 25–26).

Может показаться, что данное определение является излишне нереалистичным и упрощенным. Что касается первого, то упомянутая выше логика Фридмана относительно оценки моделей служит Доунсу здесь, как и во многих других случаях, надежной защитой. Что касается второго, то внутрипартийный консенсус не противоречит существованию фракционной борьбы внутри партии при формировании предвыборной платформы и различной мотивации у членов партии, как предполагает, например, модель политической конкуренции Рёмера, которая рассматривается ниже. Принципиально, что все члены партии стремятся вы-

играть выборы и партия выступает с единой предвыборной платформой, без чего нельзя говорить о существовании эффективной партии.

Следующее определение Доунса разграничивает политиков и избирателей, так, что они составляют две кластера, несмотря на то, что значительная часть избирателей может быть занята во властном аппарате и связанном с ним секторах. Тем не менее, предположение полного контроля правящей партии над политическим курсом, поскольку исследование посвящено политической системе, а не роли бюрократии, которая, кстати, в основном не меняется при смене правящей партии, представляется Доунсу обоснованным (там же, с. 26).

Важным постулатом в теории Доунса является эгоистическая мотивация всех акторов: «мы предполагаем, что любой индивидуум, несмотря на рациональность, является также эгоистичным» (там же, с. 27). Конкретизируя это утверждение относительно политических партий, Доунс указывает, что «члены политических партий «действуют только в порядке получения дохода, престижа и власти, которые исходят от пребывания в должности. Поэтому политики в нашей модели никогда не стремятся получить должность как средство для проведения определенной политики; их цель только в получении вознаграждения от пребывания в должности как такового». И далее, «фундаментальная гипотеза нашей модели: партии формулируют политику, чтобы выиграть выборы, нежели чем выиграть выборы, чтобы формулировать политику» (там же, с. 28).

Однако частная эгоистическая мотивация отдельных членов партии не безгранична. Эгоизм каждого ограничен, по меньшей мере, двумя факторами: (1) никто не может совершать противозаконные действия, такие как получение взятки или нарушение конституции, и (2) никто не может пытаться извлечь индивидуальные выгоды за счет членов своей партии (там же, с. 30). Хотя данные ограничения представляются самому Доунсу весьма нереалистичными, первое, по сути, подразумевает эффективность правоохранительных и судебных институтов, а второе следует из используемого определения политической партии.

Одновременно с эгоизмом политических партий, схожее поведение, хотя несколько иной природы, демонстрируют избиратели. Последние постоянно получают поток благ от деятельности правительства: их улицы патрулируются полицией, вода очищается, дороги ремонтируются, мусор вывозится, погода прогнозируется и так далее. Хотя данные блага аналогичны благам, производимым частным сектором экономики, и определяются как «правительственные» только способом их финансирования или производства, они, наряду с заработной платой и иными формами персонального дохода, суммируются в общий показатель полезности, необходимый для эффективного распределения ограниченных ресурсов. Разумеется, полезность может включать внеэкономические компоненты, такие как удовлетворение от помощи голодающим или, о чем будет сказано далее, от участия в выборах, что оставляет возможность непротиворечивого учета альтруистической составляющей в преимущественно эгоистической модели Доунса. Но, что важно, в формулировке Доунса рациональное эгоистическое

поведение избирателей означает, что только те блага, которые избиратели сознательно выбирают в день выборов, могут влиять на их электоральные решения (там же, с. 38), и только полезность, а не политический курс как таковой, интересует избирателей (там же, с. 42).

Получаемый избирателями поток благ измеряется как полезность за единицу времени, в качестве которой выступает один электоральный период. Как прямое следствие этого определения, при условии совершенной информации и отсутствии оппортунизма у политиков, формулируется простейшее правило электорального поведения избирателей: голосовать за кандидата, ожидаемая полезность от политической платформы которого максимальна; а в случае их равенства – воздерживаться от участия в выборах.

Однако поведение партий характеризуется оппортунизмом – придя к власти, они могут проводить любой политический курс, – а значит, избиратели должны ориентироваться не на предвыборные платформы, а на свои оценки реальных действий партий, в случае их прихода к власти. Хотя более поздние исследования соответствия реального политического курса предвыборной платформе иногда подтверждают их тождественность (см. напр.: Klingemann, Hofferbert and Budge, 1994; Хофферберт и Сингранелли, 1999), Доунс полагает, что при принятии электоральных решений избирателям надлежит сравнивать политический курс, проводимый правящей партией, и свою чисто гипотетическую оценку того политического курса, который проводили бы другие партии, если бы они находились у власти. Иначе говоря, по мнению Доунса, рациональнее сравнивать текущие события, а не будущие.

Разумеется, рациональные избиратели не должны исключительно полагаться на предположение о сохранении нынешнего политического курса в следующем электоральном периоде, а значит, должны учитывать будущую динамику. Например, правящая партия может скорректировать в следующем электоральном периоде политический курс с учетом накопленного опыта или, напротив, высокое качество политического курса в нынешнем электоральном периоде может деградировать в следующем (там же, с. 41). В многопартийной системе избиратель также не может игнорировать реальный расклад политических сил, который побуждает его оценивать шансы на победу у партий и выбирать только из тех партий, которые имеют реальную возможность победить. Все указанные Доунсом обстоятельства, а также многие другие, часто противоречащие друг другу, могут учитываться рациональными избирателями при принятии электоральных решений.

Схожая, противоречивая картина предстаёт в анализе формирования политического курса, который Доунс начинает с разрыва с традиционной экономической теорией. «Традиционная экономическая теория предполагает, что социальная функция и частные мотивы правительства состоят в максимизации общественной полезности и общественного благосостояния. Наша гипотеза отличается от этого взгляда по трем направлениям: (1) в нашей модели общественная функция правительства не идентична его частным мотивам; (2) мы определяем только последнюю, которая состоит исключительно в максимизации голосов, а не по-

лезности или благосостояния; (3) правительство – это партия, соревнующаяся с другими партиями за контроль над правящим аппаратом» (там же, с. 51). На базе этих утверждений правительство выбирает способы и направления расходов, которые позволяют ему максимизировать число голосов, и выбирает способы финансирования этих расходов, которые минимальным образом сокращают число голосов в его поддержку. Оппозиция, в свою очередь, дождавшись объявления политического курса, выбирает оптимальные предвыборные платформы для электоральной контратаки на правительство.

Доунс начинает с шести упрощающих предположений:

- 1) все решения принимаются единым центральным правительством;
- 2) для каждого решения существует только две возможные альтернативы;
- 3) все решения независимы одно от другого;
- 4) имеется только две конкурирующие партии, одна из которых уже находится у власти;
- 5) каждая партия знает все функции полезности избирателей, так что они могут оценить, как и насколько избиратель предпочитает альтернативы решений;
- 6) избиратели обладают совершенной информацией относительно решений правительства и их последствий.

В условиях этих предельных упрощений правящая партия проводит гипотетический опрос общественного мнения относительно каждого решения и выбирает альтернативу, которая предпочитается большинством избирателей. Отказ от такой стратегии даже по одному решению приводит к тому, что оппозиция выберет по этому решению альтернативу, предпочитаемую большинством, а по остальным решениям предвыборная платформа будет идентична политическому курсу правящей партии, в результате чего последняя потерпит поражение на выборах.

Однако даже неуклонное следование простому «правилу большинства» не гарантирует победы правящей партии на всех выборах. Простейший путь для оппозиции победить правящую партию состоит в принятии предвыборной платформы полностью идентичной с политическим курсом правящей партии, так чтобы заставить избирателей принимать решения на основе отличной от оценки текущих предвыборных платформ.

Другой способ состоит в занятии противоположенной позиции по основным решениям. Ключ к пониманию этого способа действий состоит в том, что в условиях многомерной политики могут существовать коалиции меньшинства, численность которых превышает численность коалиции сторонников наиболее популярных взглядов. Разумеется, этот способ не работает, если более чем 50% избирателей имеют консенсус относительно всех решений.

Более того, введение Доунсом в поведенческую модель избирателя показателя значимости (*intensity*) предпочтений, характеризующего желанность для избирателя данного

предпочтения относительно других предпочтений, усложняет последнее ограничение. Действительно, для победы оппозиции необходим не только консенсус предпочтений, но и одновременный консенсус значимостей этих предпочтений. Это делает целесообразным отказ от описанного выше принципа формирования политического курса согласно принципу простого «правила большинства» по каждому вопросу в пользу согласованного выбора по всем вопросам.

Последнее становится особенно важным, когда в модели появляется компонент неопределенности, свойственный реальному политическому процессу. Неопределенность может иметь место как отсутствие достоверной информации относительно прошлого, настоящего и будущего. Например, результат свободных выборов содержит элемент неопределенности, поскольку некоторые избиратели могут изменить электоральные решения в последнюю минуту. Однако было бы неверным полагать, что неопределенность может быть полностью исключена за счет дополнительной информации, прежде всего в силу того, что получение информации является затратным.

Интересно, что, по мнению Доунса, неопределенность относится к конкретному событию, а не является общим условием (там же, р.78). Таким образом, значение имеет не неопределенность вообще, а только относящаяся к конкретному решению, хотя из этого утверждения не вполне ясно, имеется ли в виду неопределенность при индивидуальных решениях, которая, как справедливо полагает Рёмер (см. ниже), взаимно погашается, или речь идет о чем-то другом.

Тем не менее, основываясь на «конкретном» характере неопределенности, Доунс перечислением определяет типы возможных ситуаций неопределенности, в которых оказываются избиратели при принятии электоральных решений и политические партии при определении политического курса и предвыборных платформ, а также указывает, что акторы подвержены неопределенности в разной степени.

Последнее проявляется не только между избирателями и политическими партиями, но и между избирателями, причем находящиеся в условиях большей определенности могут оказывать влияние на электоральные решения избирателей, находящихся в условиях меньшей определенности. Более того, именно неопределенность создает возможность для влияния, которое невозможно в условиях совершенной информации. При этом важно понимать, что акторы, оказывающие влияние, не заинтересованы в помощи акторам, находящимся в условиях меньшей определенности, а лишь стремятся добиться от них электорального решения, соответствующего их интересам. Исходя из этого, они распространяют лишь ту информацию, которая соответствует этой цели, не допуская фальсификации фактов (Downs, 1957, р. 83). Понятно, что политические партии являются основными акторами, оказывающими влияние, однако этим может также заниматься группа хорошо информированных избирателей, называемых «агитаторами», и разнообразные группы интересов, стремящиеся к прове-

дению определенной политики. Последних Доунс делит на «группы интересов», воздействующих на избирателей, так чтобы они поддерживали партии, проводящие определенную политику, и «покупателей благосклонности», влияющих непосредственно на позиции политических партий и расплачивающихся своим влиянием на избирателей в пользу этих партий.

С противоположенной стороны, избиратели, на которых оказывается влияние, по мнению Доунса, могут быть сгруппированы, исходя из подверженности влиянию, на хорошо информированных и неподверженных влиянию, и подверженных таковому. Первые, в свою очередь, делятся на «пассивных», которые отдают предпочтение одной из партий и голосуют за неё на выборах, и «нейтральных», индифферентных к партийным различиям и воздерживающихся от участия в выборах. Подверженные влиянию делятся на «озадаченных», «квазиинформированных пассивных» и «квазиинформированных нейтральных». Последние две группы, в отличие от первой, имеют соответствующие предварительные электоральные решения, однако в день выборов пассивные принимают участие в голосовании, а озадаченные и нейтральные воздерживаются от участия в голосовании. Помимо этих групп Доунс предполагает существование групп «лояльных» избирателей, которые всегда голосуют за одну партию, и «апатичных», всегда воздерживающихся от участия в выборах (там же, с. 85).

Таким образом, избиратели, принимающие участие в голосовании, в порядке их уверенности в своем решении, подразделяются на следующие группы: «агитаторы», «пассивные», «лояльные» и «квазиинформированные пассивные». Воздерживаются упорядоченные аналогичным образом «нейтральные», «апатичные», «квазиинформированные нейтральные» и «озадаченные». Как указывает Доунс, «только пять из восьми типов обычно открыты для влияния. В порядке их восприимчивости это «озадаченные», «квазиинформированные нейтральные», «квазиинформированные пассивные», «апатичные» и «лояльные» избиратели» (там же, с. 86).

Для влияния на перечисленные «восприимчивые» группы избирателей правящая партия нуждается в ресурсах, которые она получает от групп, заинтересованных в проведении определенной политики и готовых оплачивать свою заинтересованность. Оппозиционные партии поступают аналогичным образом, с той лишь разницей, что они торгуют на условиях «отложенной поставки», иначе говоря, обещают проводить определенный политический курс после прихода к власти. В результате, в условиях неопределенности политический курс формируется часто в интересах отдельных групп, а не избирателей в целом или квалифицированного большинства избирателей.

Последнее, по мнению Доунса, не означает, что политические партии являются агентами данных групп влияния. Скорее их можно рассматривать как автономных субъектов политического рынка, которые стремятся к получению власти и используют группы для достижения этой цели (там же, с. 97). При этом они используют широкий спектр инструментов, позволяющий им скрывать свои реальные цели. Например, активно используются опросы

общественного мнения, указывающие на заинтересованность избирателей в определенном политическом курсе, или оправдывающие задним числом уже реализованные решения. Другим примером является идеология, являющаяся, согласно Доунсу, вербальным образом благонравного общества и главным средством построения такого общества (там же, с. 96). Используя идеологию, партии формируют в сознании избирателя устойчивый образ, который маскирует отклонения политического курса и предвыборных платформ в интересах групп влияния, представляя их как вынужденные тактические уступки.

С другой стороны, в сознании избирателя идеология становится сигнальным механизмом, позволяющим ему в условиях неопределенности упростить принятие электоральных решений. Однако, как справедливо отмечает Доунс, идеология является лишь декларацией, а рациональные избиратели при голосовании ориентируются и стремятся влиять на реальный политический курс, а не на декларации партий (там же, с. 99). Наконец, сами партии при определении политического курса и предвыборных платформ часто используют идеологию как субститут предпочтений избирателей: оценка реакции избирателей на конкретные решения заменяется проверкой соответствия этих решений партийной идеологии.

При этом важно чтобы идеология корректировалась партиями вслед за ключевыми реальными решениями, поскольку в противном случае она станет бесполезна для избирателей, а значит, и для самих партий. Разумеется, о будущих решениях правящей партии лучше говорит её политический курс, чем её декларации, но некомпенсированное корректировкой идеологии несоответствие политического курса предыдущей предвыборной платформе становится главным объектом критики со стороны оппозиции. Последняя усиливает неопределенность относительно будущего политического курса правящей партии и затрудняет электоральный выбор избирателей, что ставит правящую партию в приблизительно равные условия с оппозицией. Аналогичная логика, но в отношении предшествующих периодов пребывания у власти, сохраняется в отношении нынешней оппозиции. Таким образом, по мнению Доунса, в результате конкуренции все политические партии вынуждены быть относительно неоппортунистическими и проводить политический курс, примерно соответствующий идеологии и предвыборной платформе. Снова подчеркнем, последние формулируются с целью победы на выборах, а не исходя из убеждений членов партии, или желания создать более благонравное и благополучное общество. Инструментально идеологии и предвыборные платформы формируются на базе пространственной теории, которая уже рассмотрена в предыдущем параграфе.

Также Доунс вплотную подходит к теореме о медианном избирателе, хотя и не формулирует её в явном виде, а делает акцент на влиянии распределения предпочтений избирателей. Доунс показывает, что предсказанная Хотеллингом конвергенция платформ политических партий в двухпартийной системе (рис. 3) в случае бимодального распределения предпочтений избирателей не будет иметь места (рис. 4).

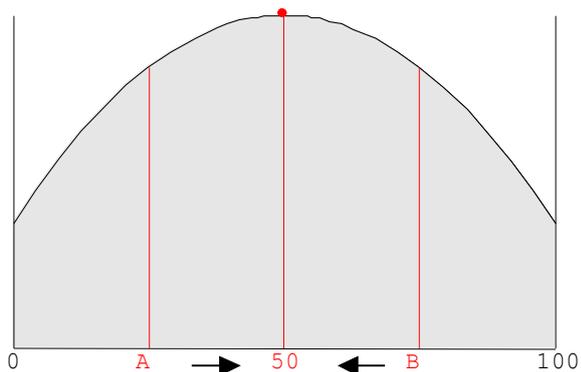


Рис. 3

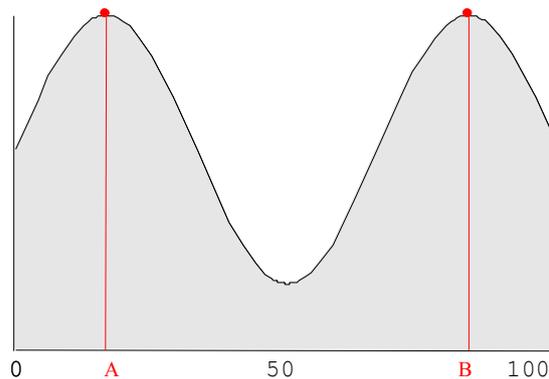


Рис. 4

Кроме того, при данном бимодальном распределении предпочтений маловероятно возникновение центристской партии, поскольку любая партия будет шаг за шагом становиться все более радикальной в порядке максимизации числа голосов.

Однако при достаточно равномерном полимодальном распределении многопартийная система становится почти неизбежной (рис. 5), причем число партий соответствует числу экстремумов кривой предпочтений. Интересно, что политические партии, двигаясь «идеологически» по кривой предпочтений в порядке максимизации голосов избирателей, не могут перескочить через другую партию (там же, с. 122).

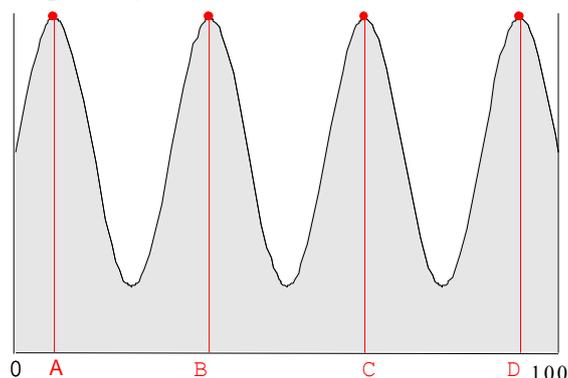


Рис. 5

Возникновение дополнительных партий, сверх их возможного числа, приведет к конвергенции платформ и последующему объединению партий, а политическая система в целом придет к состоянию устойчивого равновесия. Соблюдение этого правила, однако, в значительной степени зависит от наличия избирательных барьеров, устанавливающих минимальный порог для избрания. Поскольку все партии мотивированы стремлением прийти к власти, а партия не может существовать без того, чтобы хотя бы некоторые её кандидаты избирались на выборные должности, партии стремятся получить не только больше голосов, чем их конкуренты, но хотя бы больше, чем требуется для избрания. Поэтому, по мнению Доунса, при президентском правлении, когда победитель получает свободу единолично формировать политический курс, существует тенденция к формированию двухпартийной

системы, а при парламентском правлении, когда на формирование политического курса могут влиять партии, получившие небольшое число голосов, существуют предпосылки к возникновению многопартийной системы. Разумеется, нельзя однозначно сказать, что первично: начальная структура предпочтений электората определяет характер политической системы, или политическая система трансформирует предпочтения избирателей, – но можно смело утверждать, что оба эти компонента определяют количество политических партий при устойчивом равновесии демократической системы (там же, с. 124–125).

Отдельно нужно сказать об образовании новых партий, которые возникают при равновесии демократической системы. Часть из них преследует цели, отличные от победы на выборах и получения власти, а ограничивается оказанием влияния на существующие партии. Такие партии вряд ли заслуживают рассмотрения. Оставшиеся новые партии, открыто стремящиеся к власти, могут вписаться в политическую систему только благодаря быстрому изменению структуры предпочтений электората и идеологической инерционности «старых» партий. Важно, что именно структура предпочтений, а не численность избирателей той или иной группы, имеет значение. Например, предоставление женщинам избирательного права само по себе не создало какой-либо новой партии, хотя и очень значительно увеличило общее число избирателей (там же, с. 131).

Существует, однако, ситуация, когда образование новой партии вероятно без изменения структуры предпочтений, хотя она связана скорее с влиянием, чем непосредственно со стремлением выиграть выборы. Когда в двухпартийной системе (рис. 6) партия **В** начинает смещаться влево с целью увеличения числа голосов, может образоваться партия **С**, которая получит поддержку наиболее маргинальных сторонников **В** и вынудит партию **В** скорректировать свою политику обратно вправо.

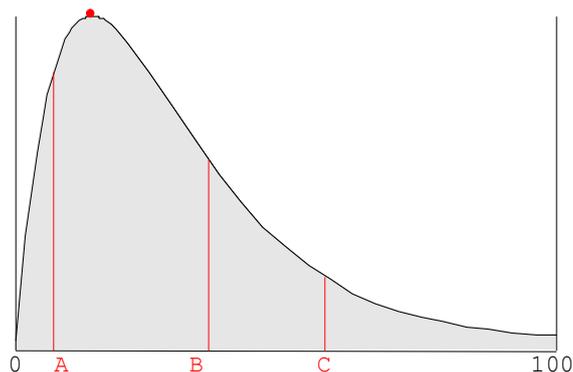


Рис. 6

Гораздо более сложный случай создает возможность частичного перекрытия позиций конкурирующих партий. Практически это означает возможность предлагать по некоторым вопросам решения более характерные для конкурирующих партий. Например, идеология правых партий предполагает невмешательство в экономику, а левых партий, напротив, активную политику государства во всех областях. Тогда, перекрытием будет позиция правых

по активному вмешательству в некоторых отраслях экономики и сохранение государством статус-кво в остальном, а для левых, аналогично, это будет отказ от активного регулирования некоторых сфер и активное вмешательство в остальные. При этом в двухпартийной системе партии будут пытаться максимально сблизить свои позиции и походить на конкурентов, а в многопартийной системе – четко обособить свою позицию от остальных партий. Это рациональное, с точки зрения партий, поведение в двухпартийной системе препятствует рациональному поведению избирателей, выбор которых в таких условиях должен больше полагаться не на анализ политического курса, предвыборных платформ и идеологий партий, а на личности кандидатов, электоральную приверженность своей семье и тому подобное. Таким образом, по мнению Доунса, рациональное поведение партий состоит в препятствовании рациональному поведению избирателей.

Кажущееся противоречие снимается, если вспомнить, что избиратели стремятся к максимизации полезности, для чего голосуют за партии, проводящие определенный политический курс, а политические партии стремятся занимать выборные властные должности, для чего используют избирателей, голосующих за них. В сумме это дает взаимосвязанную систему двух процессов достижения целей, составляющих суть политической системы, однако одна цель является общей для всех – неизменность системы, без которой все лишатся возможности достигать своих целей.

При более внимательном анализе еще не очевидно, что неоднозначная политика и идентичные идеологии политических партий разрушат демократическую систему. Ясно, что избирателям при этом станет труднее принимать рациональные электоральные решения, но из этого не следует, что избиратели станут полностью нерациональны, так как рациональность не является двоичной, так что она либо есть, либо нет. Поэтому, рациональное стремление партий препятствовать рациональному поведению избирателей не разрушит демократию, особенно, если деятельность партий регулируется законами в таких сферах как финансирование, гласность в выдвижении кандидатов, ограничение размера пожертвований из одного источника и тому подобное. Такие законы ограничивают деятельность партий и косвенно защищают избирателей от вынужденного иррационального поведения (там же, с. 138).

Продолжая анализ рационального поведения, Доунс рассматривает особый режим демократии, когда в многопартийной системе ни одна из партий не может получить большинство, достаточное для самостоятельного формирования правительства и политического курса. В подобных условиях происходит формирование коалиционного правительства из представителей различных партий. Говоря точнее, на практике при формировании коалиционного правительства избиратели напрямую не влияют на формирование правительства, а только выбирают своих представителей в законодательный орган, который, затем, самостоятельно формирует правительство.

Здесь важно акцентировать, что рассматриваемое Доунсом коалиционное правительство на самом деле есть нечто большее, чем один из способов формирования правительства и политического курса. Это принципиально иной институциональный дизайн – парламентское правление, где, в отличие от президентского правления по схеме «победитель получает все», состав правительства и политический курс является компромиссом многих партий, который зависит от количества полученных ими на выборах голосов.

Следствием понимания избирателями того факта, что только представленные в законодательном органе партии могут влиять на формирование коалиционного правительства, может стать иррациональное, с позиции ранее рассмотренной модели, ориентированное на будущее, поведение, когда избиратели голосуют, либо выражая социальный протест, либо стремясь поддержать партию, которая не имеет шансов на победу сегодня, но может выиграть выборы в будущем. Одновременно, принимая электоральные решения, избиратели выражают поддержку не предвыборной платформе партии, а политическому курсу коалиции, в которую войдет партия.

Последнее обстоятельство значительно усложняет электоральный выбор по сравнению с двухпартийной системой, где возможны только два результата, соответствующих предвыборным платформам партий. При коалиционном правительстве возможны многие коалиции, причем, иногда, голос избирателя в поддержку одной или другой политической партии будет приводить к формированию идентичных коалиций. Для рационального голосования в таких условиях необходимо не столько знание предвыборных платформ партий, сколько верная оценка вероятного результата выборов и возможных по их итогам коалиций. В результате всех названных усложнений поведение избирателей может существенно измениться, так что вместо самостоятельного выбора правительства избиратели передают это право своим представителям в законодательном органе.

Наряду с изменением поведения избирателей меняется поведение политических партий, которые, будучи представленными в законодательном органе, формируют правительство и политический курс. Во-первых, для обеспечения эффективности деятельности правительства партии, вошедшие в правящую коалицию, должны действовать согласованно, а значит, кооперироваться и провозглашать схожие предвыборные платформы, что приводит к сближению последних. Во-вторых, желание партий доминировать в коалиции вызывает либо конвергенцию к умеренной платформе, либо поляризацию и маргинализацию платформ, в зависимости от характера распределения электората. В-третьих, все партии в коалиции стремятся к переизбранию всех членов коалиции и сохранению её как целого после следующих выборов, для чего они обеспечивают максимально широкий охват электората, что приводит к поляризации платформ. Следствием этих условий является постоянное противоречие между, с одной стороны, стремлением увеличить вероятность переизбрания и сохранения коалиции и, с другой стороны, стремлением каждой партии увеличить свое влияние внутри коали-

ции, конечным результатом чего становятся двусмысленные предвыборные платформы и неопределенные отношения к коалициям, которые могут возникнуть в результате выборов. Все перечисленное увеличивает неопределенность.

Доунс полагает, что неопределенность, далее речь идет не только о коалиционном правительстве, но и о политической системе, построенной на принципе «победитель получает все», затрудняет принятие решений не только избирателям, но и политическим партиям. Последние принимают решения на основе приближенных оценок, дисконтируют будущие выгоды и строго ограничивают сроки своих прогнозов будущими выборами. Более того, в отличие от экономических отношений, политические партии не могут продать сегодняшние голоса за голоса избирателей завтра. Аналогично, в силу законодательного запрета избиратели не могут конвертировать свои голоса в дополнительный доход кроме как посредством выборов. Перечисленное, наряду с комплексом других обстоятельств, дает Доунсу возможность заявить, что в условиях демократии политический курс никогда не будет оптимальным по Парето (там же, с. 194).

Главными причинами этого Доунс называет неделимость производимых правительством благ и неопределенность, причем с ростом последней Доунс связывает сокращение размеров правительства.

Неопределенность, точнее говоря, вызывающий её затратный характер процесса получения и обработки информации, становится финальным объектом внимания Доунса. Анализ этого процесса начинается с исследования принятия рациональных решений, которое требует понимания (1) целей, (2) возможных альтернатив достижения целей и (3) вероятных последствий каждой альтернативы. Очевидно, что принятие решений требует не только соответствующих знаний, но и информации. Даже выбор цели невозможен без информации, поскольку только одна цель – собственное видение идеального социального порядка – может существовать независимо от информации о текущей ситуации.

Для упрощения Доунс делает два предположения: (1) знания приравниваются к информации, что делает процесс их получения затратным, и (2) отсутствует ложная информация. Последнее не означает, что фактами нельзя манипулировать так, чтобы привести к ложным выводам, но означает лишь принятие фактов как корректных без дополнительной проверки.

С учетом данных предположений Доунс рассматривает процесс принятия избирателями электоральных решений, разложив его на последовательность дискретных шагов, начиная от сбора и выделения значимой информации по каждой проблеме, и заканчивая собственно голосованием или отказом от голосования. Каждый из этих шагов требует от избирателей затраты ограниченных ресурсов, прежде всего, времени, и в принципе может быть передан, за исключением собственно голосования, кому-то другому (там же, с. 209). В результате издержки, связанные с принятием электоральных решений, могут быть разделены на переводимые (на кого-то еще) и непередаваемые. К последним относятся затраты времени на

непосредственно процесс голосования и, по предположению Доунса, предшествующий ему электоральный выбор.

На практике, лишь немногие шаги в процессе принятия электоральных решений выполняются избирателями самостоятельно, а значит, лишь немногие издержки он несет сам. В остальных случаях избиратели несут издержки косвенно, платя другим за выполнение некоторых шагов и попадая под потенциально сильное тенденциозное влияние. Разумеется, передача некоторых шагов в процессе принятия электоральных решений вызывает некоторые дополнительные затраты времени на усвоение избирателем результатов этих шагов, что является дополнительными непереводимыми издержками. С другой стороны, даже выполняя эти шаги самостоятельно, избиратели все равно не получают полной и объективной информации, поскольку некоторую информацию они используют, а некоторую нет. Таким образом, избиратели действуют более рационально, если они полагаются на сторонние оценки, совпадающие с оценками, которые могут быть получены ими самостоятельно. Достичь этого можно, выбирая сторонние оценки, которые процедурно формируются идентично собственным оценкам. В результате тенденциозное влияние скорее помогает избирателям принимать электоральные решения, чем затрудняет их.

В значительной мере использованию сторонних оценок способствуют имеющиеся в каждом обществе потоки бесплатной информации. Конечно, никакая информация не достается абсолютно бесплатно, поскольку ее получение требует затраты времени, в силу чего под бесплатной информацией Доунс понимает информацию с нулевыми переводимыми издержками (там же, с. 222). К такой информации, с учетом высказанных выше ограничений, относятся: (1) информация, распространяемая правящей партией, как часть правительственной деятельности, (2) информация, распространяемая политическими партиями в целях влияния на избирателей, (3) профессиональная информация, субсидируемая за счет рекламы, (4) информация, распространяемая группами влияния с целью склонить граждан к принятию их точки зрения, (5) информация от других граждан, (6) развлекательная информация, содержащая политический компонент и, аналогично, (7) потребительская и производственная информация. Такая информация может быть получена как случайно, так и в результате специальных поисков. Случайно полученная информация, из источников (5), (6) и (7), не требует от избирателя никаких специальных усилий, а значит, временные издержки избирателей по ее получению гораздо ниже, чем у информации получаемой в результате специальных поисков в источниках (2), (3) и (4). Источник (1) обеспечивает оба типа информации.

Как указывает Доунс, «не все граждане получают одинаковый объем бесплатной информации, также не все, кто получает одинаковый объем, способны использовать его в равной мере». И далее, «фактически, систематические вариации в объеме получаемой бесплатной информации и способности её восприятия могут сильно влиять на распределение политической власти в демократической системе» (там же, с. 223). Однако практически оце-

нить границы такого влияния можно, только решив сложную задачу изучения информационной структуры общества в целом. Вместо этого Доунс акцентирует внимание на поведении избирателя, точнее, делегированию в целях сокращения издержек при принятии электоральных решений.

Справедливо указав на наличие издержек по выбору агента, возникающих при делегировании, Доунс выделяет три группы возможных агентов: лично знакомых избирателю индивидов, группы влияния, включая политические партии, с которыми избиратель идентифицирует себя по некоторым вопросам, и профессиональные эксперты, такие как политические обозреватели, продающие свои суждения (там же, с. 232). Разумеется, каждый избиратель может использовать несколько или даже все типы агентов, однако, по мнению Доунса, наиболее часто при принятии электоральных решений избиратели обращаются к оценкам лично знакомых им людей.

Такое поведение является рациональным вне зависимости от важности принятия правильного решения, что Доунс подтверждает небольшим мысленным экспериментом. Пусть один гражданин S должен решить, какая из конкурирующих партий будет правящей на национальном уровне в течение следующего электорального периода. Поскольку S не может быть экспертом во всех областях, он будет искать квалифицированной помощи от тех, кто имеет здравые суждения и политические цели, сходные с его собственными. Более того, если S знает, что T , которому он доверяет, имеет похожие на его цели и более ясные оценки чем сам S , то для S будет рационально делегировать T принятие окончательного решения, если последний располагает той же информацией что и S . Говоря коротко, наиболее рационально для S не принимать решения самому, за исключением решения о том, кто бы мог принять решение. Иные возможности иррациональны для S , даже если от правильного решения зависит его жизнь (там же, с. 233).

Однако в отношении политических партий эта логика неприменима, несмотря на то, что в реальности такая практика широко распространена, так как не соблюдается необходимое единство целей. Действительно, согласно предположениям модели Доунса, политические партии стремятся лишь к максимизации числа голосов, тогда как избиратели заинтересованы только в полезности, или, говоря более общим языком, в определенном социальном порядке. Следовательно, для избирателей «политические партии никогда не могут быть агентами для рационального делегирования» (там же, с. 234). Тем самым Доунс фактически низвергает агентскую теорию в политической экономии.

Только после этого отступления Доунс возвращается к проблеме неравномерного распределения политической власти в демократической системе, рассматривая теперь это вопрос с точки зрения способности использовать политическую информацию. Ключевыми объектами этого анализа становятся, дополнительно к ранее рассмотренным затратам времени, наличие знаний и тождественность принципов отбора информации. Первое является ре-

зультатом образования и характера трудовой деятельности, хотя нельзя определенно сказать, какие именно характеристики переносятся на принятие политических решений. Однако Доунс полагает, что (1) разделение труда способствует дифференциации способностей людей использовать данные, и (2) формальное образование делает принятие решений более эффективным, так что дети из обеспеченных семей, которые обычно получают хорошее образование, имеют преимущество (там же, с. 235). Что касается тождественности принципов отбора информации, то даже в рамках предположения об отсутствии ложной информации, различные группы избирателей имеют доступ к разному набору информационных источников. Как и в предыдущем случае, какие-либо выводы без эмпирического исследования недостижимы, однако Доунс полагает, что, поскольку в большинстве демократий средства массовой информации находятся, главным образом, в собственности групп населения, имеющих высокие доходы, группы населения с низкими доходами, очень вероятно, получают информацию, скорее отобранную по принципам, противоречащим их интересам, чем интересам высокодоходных групп (там же, с. 235).

Таким образом, разделение труда и неопределенность создают различные издержки получения информации для различных групп населения. Следовательно, объем информации, необходимый для рационального принятия политических решений, сильно варьируется, даже если выгоды от информированности одинаковы для всех. На основании этого Доунс делает вывод, что (1) любая концепция демократии, предполагающая равную информированность граждан, иррациональна, так как предполагает иррациональное поведение граждан, и (2) основания дифференциации политической власти в демократии происходят из природы общества. «Более того, чтобы быть полностью реалистами, мы должны добавить вышеупомянутую дифференцирующую силу неравного распределения дохода», – пишет Доунс (там же, с. 236).

Здесь нужно отметить, что политическое равенство, понимаемое как обладание каждым гражданином одним голосом на выборах и возможностью избирать/быть избранным на всеобщих выборах, равно как и равенство всех перед законом, не отменяется тем фактом, что граждане пользуются этой способностью в разной мере. Систематические искажения, несомненно, как далее указывает Доунс, имеют место. Однако неравенство в одном, не означает равенства всех прочих условий, а значит, например, группы населения, обладающие меньшим доступом к политической информации, могут подвергать её более тщательному анализу или задействовать иные механизмы, компенсирующие отсутствие информации, таким образом, что баланс политической информированности восстанавливается. Без эмпирического исследования нельзя с определенностью сказать о характере этого явления, но заявление Доунса об иррациональности демократических концепций, предполагающих равную информированность, представляется излишне категоричным.

Доунс пишет, что поскольку вся информация имеет стоимость, группы с высокими доходами могут позволить себе больше, чем группы с низкими доходами. «Этот факт допол-

нительно искажает действие принципа политического равенства – принципа, лежащего в сердце демократической теории» (там же, с. 236). И более того, проанализировав взаимозависимость политической информированности и дифференциации оценок партий, Доунс заключает, что «(1) информация относительно бесполезна для граждан, которые проявляют интерес к тому, какая партия победит, и (2) граждане, для которых информация наиболее бесполезна, не проявляют интереса относительно того, кто победит. Короче говоря, никто не имеет весомых стимулов получать политическую информацию» (там же, с. 244).

Тем не менее, граждане получают политическую информацию, в том числе для «формирования мнений, с которыми они могут влиять на формирование политического курса в промежутке между выборами (там же, с. 238). Тем самым Доунс предполагает участие избирателей не только в выборе правительства, но и в определении политического курса. Во многом к этому вынуждает включение в поведенческую модель избирателя оценки значимости собственного голоса на выборах. Иначе говоря, наряду с собственной оценкой дифференциации партийных оценок на решение избирателя влияет осознание того факта, что его голос является одним из очень многих, а значит, цена неправильного решения конкретного избирателя очень мала. Как следствие, стимулы к получению информации резко сокращаются, и избиратель отказывается от расходов на получение платной информации и ограничивает количество получаемой бесплатной информации.

В этой связи Доунс указывает на любопытную особенность процесса формирования политического курса, а именно неопределенность степени понимания избирателями связи между их полезностью и действиями правительства. Выстраивая градацию внимания правительства к предпочтениям граждан, основанную на связи политического курса и полезности, с одной стороны, и понимании избирателями связи между этими показателями, с другой стороны, Доунс приходит к выводу, что чем меньше информации имеет избиратель, тем менее выражены его предпочтения и больше вероятность того, что правительство будет игнорировать его при определении политического курса.

Одновременно Доунс указывает на различия между получением информации для принятия электоральных решений и для влияния на политический курс. Последнее требует дополнительных издержек, главным образом, на доведение своего мнения до правительства. Однако такие издержки несут не граждане, а фирмы, причем вычитая эти суммы из налогооблагаемой базы (там же, с. 252).

Второе важное различие состоит в очень небольшом числе субъектов, которым доступно влияние на политический курс. Это приводит к большей вариативности оценок, которые принимаются во внимание при определении необходимости получения дополнительной информации. Кроме того, влияние на формирование политического курса требует большего объема информации, чем простой электоральный выбор из разработанного кем-то набора альтернатив, а значит, оказывающие влияние на политический курс вынуждены нести боль-

шие издержки. Эти издержки оправдываются, когда оказывающий влияние извлекает доходы в той сфере, в которой он оказывает влияние. Таким образом, более вероятно, что не потребители, а производители будут оказывать влияние на политический курс, точнее говоря, «человек более вероятно оказывает политическое влияние в роли получателя дохода, чем в роли расходующего доход, вне зависимости от того действует он как частное лицо или как член корпоративной структуры» (там же, с. 255). В свою очередь, несмотря на то, что политический курс формируется с целью выиграть выборы, а число голосов у потребителей больше числа голосов у производителей, правительство в демократической системе формирует политический курс почти всегда против потребителей, в пользу производителей. И это, по мнению Доунса, происходит не из-за нерационального поведения, но именно потому, что все действуют рационально.

Также в рамки рационального поведения встраивается воздержание от участия в выборах, отдельные аспекты которого уже рассматривались ранее. Доунс считает, что рациональный избиратель, сопоставляя выгоды и потери от участия в выборах, а также ничтожную вероятность того, что его голос станет решающим, будет уклоняться от участия в выборах. Но отказ от участия в выборах является лучшим решением только с точки зрения узкого понимания краткосрочного индивидуального интереса. Если посмотреть на участие в выборах с более общих позиций, то граждане участвуют в выборах, например, потому, что им это нравится, либо из-за того, что они не хотят глупо выглядеть в разговоре за обедом, либо полагая, что неучастие в выборах сегодня сделает невозможным для них изъяснение их воли, если, вдруг, им это зачем-то потребуется. Таким образом, можно говорить о принципиальном различии между принятием решения об участии в выборах и «правильным» электоральным решением: альтернативой для участия в выборах является воздержание от участия, а альтернативой «правильному» электоральному выбору является ошибочный выбор. Следовательно, можно констатировать различие между соотношением издержки/выгоды для участия в выборах и аналогичным соотношением для принятия правильного электорального решения.

Обратимся к первому соотношению, в связи с которым Доунс делает парадоксальное заключение, что отсутствие издержек на участие в выборах делает нулевыми также выгоды, а ненулевые издержки делают выгоды позитивными. В первом случае, избиратели, имеющие ненулевые оценки дифференциации партий, принимают участие в выборах, тогда как оставшиеся воздерживаются от голосования с убежденностью, что демократия будет функционировать нормально и в дальнейшем. В свою очередь, конкурирующие политические партии будут ориентироваться на электорат в целом, поскольку не знают в точности позиций избирателей и предполагают, что воздержавшиеся на данных выборах могут проголосовать на следующих. С другой стороны, процесс участия в выборах не может быть свободным от издержек, поскольку требует затрат времени на голосование. Это изменяет утверждение о том, что избиратели, имеющие ненулевые оценки дифференциации партий, принимают участие в

голосовании. Теперь они рационально участвуют в голосовании только тогда, когда выгоды превышают издержки, а значит, многие из сторонников политических партий воздержатся. Это произойдет в силу того, что при низких выгодах от голосования даже небольшие издержки такие как, например, очередь на избирательном участке, вынудят их воздерживаться. Однако ситуация гораздо сложнее, так как выгоды от голосования связаны с числом проголосовавших. Чем большая доля избирателей принимает участие в выборах, тем меньше вероятность того, что голос каждого избирателя окажется решающим, и это побуждает избирателей воздерживаться. И напротив, чем больше избирателей думает, что такие настроения разделяет большинство, тем выше вес каждого голоса и выгоды от участия в голосовании.

Обобщая этот анализ, Доунс приходит к следующему выводу. Принимая в расчет ценность сохранения демократии, озабоченность исходом голосования, срок до выборов и свои оценки процента явки на выборы, избиратели ведут себя одним из четырех способов: (1) некоторые избиратели всегда воздерживаются, другие воздерживаются иногда, а некоторые никогда не воздерживаются от участия в голосовании, (2) доля воздерживающегося электората меняется от выборов к выборам, (3) многие из голосующих не являются хорошо информированными относительно выборов, (4) только немногие хорошо информированные избиратели не голосуют (там же, с. 270-271).

Теперь обратимся к соотношению издержки/выгоды для принятия правильного электорального решения, начав с процедуры принятия рациональным избирателем электорального решения в условиях неопределенности и наличия издержек. Последовательность шагов избирателя в модели Доунса такова:

1) предварительная оценка: ожидаемой дифференциации партий; ожидаемых издержек на голосование; долгосрочной ценности сохранения демократии; явки на выборы;

2) в случае нулевой оценки дифференциации партий, в силу идентичности для избирателя всех политических партий и их платформ, избиратель сопоставляет сумму ценностей сохранения демократии плюс ожидаемых «перемен» и издержки голосования: если издержки не перевешивают выгоды, и избиратель хочет перемен, то он голосует за оппозицию; если издержки не перевешивают выгоды, и избиратель не хочет перемен, то он голосует за правящую партию; если издержки перевешивают выгоды, то он воздерживается;

3) в случае нулевой оценки дифференциации партий, в силу ожидаемого равенства полезностей от всех партий, несмотря на различия их политического курса и платформ, избиратель сопоставляет сумму ценностей сохранения демократии и издержки голосования: если издержки не перевешивают выгоды, избиратель голосует за случайную партию, в противном случае он воздерживается;

4) в случае ненулевой оценки дифференциации партий, избиратель оценивает срок до выборов и соответственно дисконтирует оценку дифференциации партий: если сумма дисконтированной оценки дифференциации партий и ценности сохранения демократии пре-

вышает издержки голосования, то избиратель голосует за партию согласно своим предпочтениям, в противном случае он воздерживается;

В течение описанного процесса избиратели получают больше информации о всех политических партиях, участвующих в выборах, всякий раз когда ожидаемые выгоды превосходят издержки. Так как такая информация может изменять оценки относительно любой партии, то электоральное решение избирателя может меняться в течение всего вышеописанного процесса (там же, с. 271–272).

В заключение Доунс говорит о модели поведения правительства, акцентируя, в частности, внимание на необходимости учитывать политическую конституцию общества, что необходимо требует объединения экономики и политологии в единую теорию социального действия (там же, с. 280). Подтверждая эту мысль, Доунс подробно рассматривает и критикует позицию экономистов, полагающих, по мнению Доунса, что «правительство это сфера в разделении труда, которая имеет функцию максимизации благосостояния общества» (там же, с. 282), и показывает отсутствие в экономике теорий, приписывающих индивидам в правительстве какую-либо мотивацию, кроме, пожалуй, работы Герберта Саймона (Simon, 1957). Причинами последнего называются все большее отвлечение внимания экономистов от политических аспектов экономических проблем, и переход этих вопросов в сферу политической науки, и преобладание общих теорий деятельности правительства, пытающихся охватить наряду с демократией также тоталитаризм, монархию и так далее.

Доунс, напротив, полагает, что (1) для разных институциональных структур правительства экономисты должны сформулировать разные теории поведения правительства, и (2) каждый экономист не должен становится политологом, но при исследовании конкретного общества, «экономисты должны принять политическую структуру как данную и фокусировать свое внимание на экономических вопросах» (там же, с. 291).

Теория политического делового цикла

Второй период развития новой политической экономии ознаменовался появлением в 1970-х годах целого ряда работ, в которых тестировались различные гипотезы о взаимосвязи политического и экономического циклов. Говоря точнее, модели политического делового цикла предполагают, что некоторые экономические индикаторы колеблются синхронно с выборами. Литература на этот счет весьма обширна, хотя нет достаточных эмпирических подтверждений, что такая связь всегда существует. Забегая немного вперед, скажем, разделяя точку зрения Альта и Кристал, что предвыборное стимулирование экономики, составляющее основу политического делового цикла, может быть стратегией, которая принимается или нет, но нет теории, говорящей, почему стратегия иногда принимается, а иногда нет (Alt and Chrystal, 1983, p. 122).

Наибольшую известность исследовательской традиции политического делового цикла получили работы Уильяма Нордхауса, Эдварда Тафта, Дугласа Хиббса и Поля Мосли (Nordhaus, 1975; Taft, 1978; Hibbs, 1977; Mosley, 1978). Все модели политического делового цикла исходят из ряда общих предположений:

- правительства стремятся выиграть выборы, для чего они пытаются максимизировать голоса;
- избиратели имеют предпочтения относительно экономических результатов, что отражается в их поведении при голосовании;
- правительства могут манипулировать экономикой для улучшения своих шансов на переизбрание.

По мнению Альта и Кристал эти предположения неоднозначны. Возьмем первое. Было бы удивительно, если бы политики не стремились выиграть выборы, но это не обязательно является их доминирующей мотивацией. Более того, избранные политики не единственные акторы, кто определяет политический курс. Власть бюрократов, влияние партийной системы и средств массовой информации ограничивает политиков. Второе предположение, что жители голосуют согласно предпочтениям относительно экономической политики, тоже неоднозначно. Наконец, под вопросом находится степень контроля правительства над экономикой при неопределенности времени и эффектов вмешательства. Это не может удержать политиков от проведения экономической политики, ориентированной на выборы, хотя это может затруднить ее успешную реализацию (Alt and Chrystal, 1983, p. 104–105).

На рис. 7 представлена классификация вариаций в моделях политического делового цикла по двум измерениям, предложенная Альтом и Кристал. Первое измерение задает схему формирования политического курса: (1) «реагирующее» и (2) «стратегическое». Реагирующее формирование политического курса предполагает удовлетворение предпочтений сторонников партии, а стратегическое имеет целью увеличение числа голосов на выборах, даже если политический курс не соответствует предпочтениям сторонников.

характер предпочтений электората	формирование политического курса	
	<i>стратегическое</i>	<i>реагирующее</i>
<i>фиксированные</i>	I	II
<i>динамические</i>	III	IV

Источник: Alt and Chrystal, 1983, p. 105.

Рис. 7. Модели политического делового цикла

Второе измерение определяет характер предпочтений электората. Один подход предполагает, что каждый избиратель или социально-экономический класс имеет фиксированные предпочтения относительно экономических результатов. Второй подход предполагает, что электорат имеет изменяющиеся предпочтения относительно экономических послед-

ствий политического курса как под влиянием политических партий, так и без такового. Обозначенные вариации имеют следствием значимые эмпирические результаты.

Модели стратегического формирования политического курса при неизменных предпочтениях электората (вариант I) получили широкую известность после работы Ульяма Нордхауса, (Nordhaus, 1975), которая основывается на анализе кривой Филлипса, описывающей безработицу и инфляцию. В более общем случае схожая методология применима к широкому кругу правительственных интервенций в экономику, когда правительство понимает наличие лага между принимаемыми мерами и их последствиями, а электорат лишен такого понимания. Иначе говоря, стратегическое формирование политического курса – это использование информационной асимметрии и извлечение краткосрочных выгод за счет игнорирования долгосрочных последствий.

По мнению Нордхауса, «в условиях, когда голосование является механизмом социального выбора, демократическая система будет выбирать политический курс как долгосрочный компромисс (между безработицей и инфляцией), что приведет к меньшей безработице и большей инфляцией, чем оптимальная» (Nordhaus, 1975, p. 178). Вместе с этим «уровень безработицы должен быть снижен в течение избирательной компании, ... немедленно после выборов победитель увеличит безработицу до относительно высокого уровня для борьбы с инфляцией. При приближении выборов уровень безработицы будет уменьшаться» (Nordhaus, 1975, p.184). Очевидно, что мгновенно увеличить безработицу невозможно, так что для целей эмпирической проверки предполагается, что безработица растет в течение первой половины срока между выборами и снижается во второй.

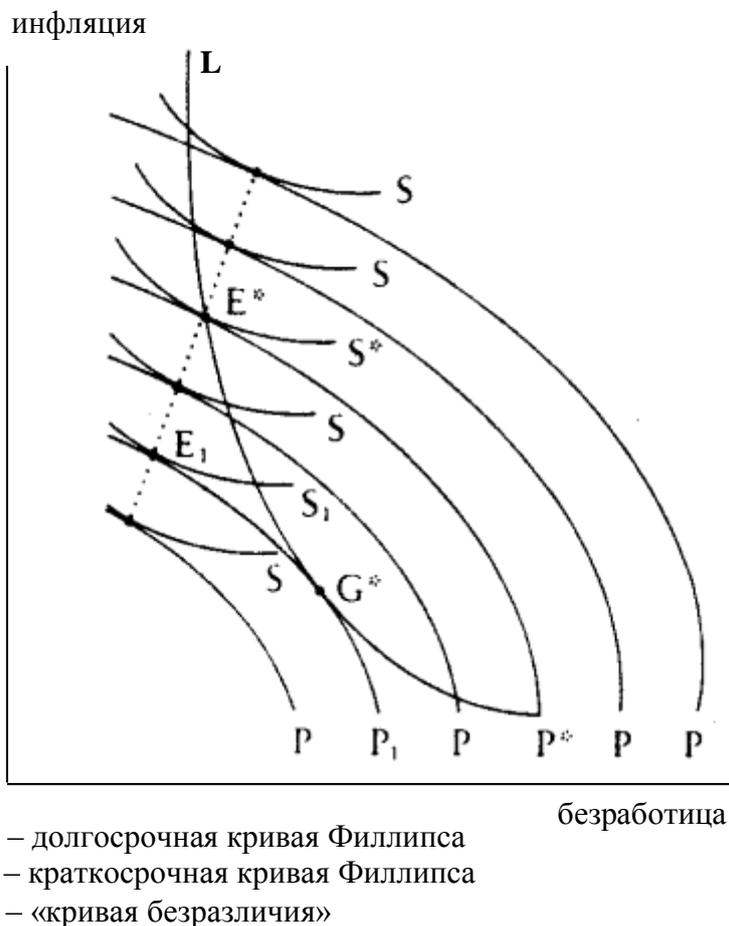
Модель Нордхауса использует кривую Филлипса, описывающую зависимость уровня инфляции I_t от уровня безработицы u_t и ожидаемой инфляции v_t . Последняя определяется как функция разницы между инфляцией и предыдущими ожиданиями, причем ожидания увеличиваются, когда текущая инфляция превосходит ожидания.

$$I_t = f(u_t) + cv_t$$

На рис. 8 показаны краткосрочные **S** и долгосрочная **L** кривые Филлипса, причем наклон долгосрочной кривой более крутой чем краткосрочной, поскольку в долгосрочной перспективе инфляция зависит от безработицы, в силу аккумуляции ожиданий, тогда как в краткосрочной перспективе инфляционная стоимость уменьшения безработицы относительно меньше.

Правительство выбирает политический курс для максимизации числа голосов в свою поддержку на следующих выборах. Предполагается, что правительство знает предпочтения избирателей, которые, в свою очередь, оценивают деятельность политиков накануне выборов на основе показателей инфляции и безработицы. Результаты оценки задают некоторый уровень поддержки избирателей для каждой комбинации инфляции и безработицы, причем поддержка уменьшается, если инфляция или безработица увеличивается. Линия, связывающая

все комбинации инфляции и безработицы при определенном числе голосов («кривая безразличия»), на рис. 8 обозначена P .



Источник: Alt and Chrystal, 1983, p. 107.

Рис. 8. Кривая Филлипса в модели Нордхауза

Правительство ищет комбинацию инфляции и безработицы, обеспечивающую максимальное число голосов, с учетом ограничений, налагаемых кривой Филлипса. Нордхаус утверждал, что правительство выбирает точку на краткосрочной кривой Филлипса, которая является касательной к наиболее высокой возможной кривой безразличия. Если S_1 такая краткосрочная кривая Филлипса, то E_1 – это точка на наивысшей кривой безразличия. Правительство выбирает E_1 как политический курс, зная, что это позволит получить P_1 голосов, и нет возможности улучшить электоральный результат. Если E_1 лежит левее долгосрочной кривой Филлипса, как имеет место на рис. 8, то такая комбинация безработицы и инфляции может быть стабильной только в краткосрочном смысле и вызовет увеличение инфляции. Поэтому политический курс E_1 будет невозможен на следующих выборах и будет необходимо скорректировать политический курс. Ситуация будет повторяться на каждом выборах, пока политический курс E^* на краткосрочной кривой Филлипса S^* не будет также лежать на долгосрочной

кривой L . Аналогично, если E_I будет лежать справа от долгосрочной кривой, то последовательный выбор будет сводить его к E^* сверху. По мнению Нордхауза, действуя описанным образом, хотя это следует не только из электоральных соображений, правительство принимает серию краткосрочных решений при полном игнорировании долгосрочных последствий, что ведет экономику к более высокому уровню инфляции, чем если бы оно ориентировалось на наиболее популярную точку G^* на долгосрочной кривой, которая является устойчивой и обеспечивает максимальный долгосрочный уровень поддержки правительства.

Второй вывод, что безработица должна непрерывно падать в течение избирательной компании, – возникает при переходе от использованной выше статической трактовки, когда правительство делает один выбор политического курса в течение электорального периода, в пользу непрерывной модели, где дополнительная инфляция является следствием заниженной безработицы накануне выборов.

Поскольку рост инфляции происходит с некоторой задержкой относительно снижения безработицы, то правительство создает себе «окно», в течение которого инфляция и безработица одновременно временно низкие. По мнению Нордхауза, поскольку в преддверии выборов функция благосостояния более значима, тогда как после выборов она полностью не значима, а увеличение инфляции от предыдущей низкой безработицы произойдет позже в дисконтированном будущем, оптимальная для правительства стратегия изменения безработицы в течение времени такова: уровень изменения должен быть негативным в течение предвыборного периода, но так как безработица не может всегда падать, то она немедленно резко возрастает после каждых выборов и падает непрерывно до следующих выборов. Как указывают Альт и Кристал, это возникает из-за полностью произвольного выбора Нордхаузом линейного характера инфляции и квадратичного характера безработицы в функции благосостояния и «близорукости» относительно будущего, причем последнее гарантирует отсутствие для правительства электорального штрафа за дополнительную инфляцию после выборов.

Можно добавить, что наряду с «близорукостью», которую Нордхауз постулирует путем формирования ожиданий избирателей исключительно из наблюдений за прошлым, в модели имеет место эффект серьезной «амнезии» избирателей. «Амнезия» проявляется в том, что избиратели быстро «забывают» информацию о характере изменения инфляции и безработицы в течение предыдущих электоральных периодов. Наличие у избирателя дополнительной информации о роли безработицы в развитии инфляции так же, как учет избирателями наблюдений за динамикой инфляции в прошлом, разрушит рассматриваемый цикл.

На эмпирическом уровне Нордхауз рассмотрел уровень безработицы между выборами в девяти странах и нашел ожидаемую тенденцию изменения уровня безработицы – рост в первой половине электорального периода и сокращение во второй половине, – только в трех странах из девяти (Германии, США и Новой Зеландии). Интересно, что попытки других исследователей найти значимые различия в уровне безработицы в течение разных частей элек-

торального периода также провалились (см. напр.: Golden and Potreba, 1980). Более того, в двух из трех стран, где цикл существовал, Германия и США имели наименьшую долгосрочную инфляцию. Германия имела наименьшую среди всех среднюю инфляцию с 1951 по 1974, а США занимали второе место, так что даже если вызванный выборами цикл вызывает дополнительную инфляцию в этих странах, они не страдают от этого.

В отличие от модели Нордхауза, в которой правительство с целью увеличить электоральную поддержку может свободно выбирать любую комбинацию безработицы и инфляции, а избиратели на основании оценки экономических результатов могут изменить партийной приверженности, модель Дугласа Гиббс (Hibbs, 1977; 1979; 1982a; 1982b; 1982c) учитывает тот факт, что действия политических партий значительно ограничены неизменными предпочтениями их сторонников (вариант II).

Прагматическое поведение правительства в конкурентной избирательной системе приводит правительство к рациональному проведению политического курса, соответствующего предвыборной платформе, на базе которой политическая партия пришла к власти. Это требует, по меньшей мере, чтобы каждый сторонник партии имел устойчивые предпочтения относительно некоторых политических альтернатив и, не меняя партийной приверженности, воздерживался от участия в выборах, если его партия не отражает его предпочтения, тем самым принимая краткосрочные поражения в обмен на долгосрочное приспособление партии к целям своих сторонников.

Изменения в экономических приоритетах, когда власть переходит к политическим партиям, приверженным другим взглядам, порождает политический деловой цикл. В этом случае экономические условия изменятся скорее после, нежели чем до выборов, а цикл будет иметь продолжительность как минимум один электоральный период. Такой случай рассмотрен в работе Бруно Фрея (Freu, 1978), которая объединяет варианты I и II и дает критерий, который позволяет решить, какой тип поведения выберет правительство. Точнее говоря, Фрей полагает, что уверенное в своих электоральных перспективах правительство будет использовать реагирующее формирование политического курса, а неуверенное в электоральных перспективах правительство будет использовать стратегическое формирование курса. Однако модель Фрея была изложена в терминах инструментов формирования политики и фактически не применима для исследования циклического изменения результатов, что не позволяет рассматривать её в контексте теории политического делового цикла.

Модель политического делового цикла Гиббса построена на том, что в каждой стране имеется компромисс между безработицей и инфляцией, который описывается кривой Филлипса. Если условия во всех странах достаточно похожи, то долгосрочные результаты стран можно охарактеризовать как выбор вдоль такой «компромиссной» кривой.

Программы партий левого толка делают акцент на обеспечении высокого уровня занятости, а значит, страны с большим долгосрочным социалистическим или левым участием в

правительстве должны иметь меньшую долгосрочную безработицу и большую инфляцию, чем страны с правым или центристским правительством. Гиббс представил доказательства этого. Так, в 1960-х годах скандинавские страны, в которых преобладали социалистические правительства, имели среднюю годовую инфляцию от 4 до 5% и уровень безработицы от 1 до 2%, тогда как в США и Канаде, где отсутствовало или было слабым влияние левых партий, инфляция составляла от 2 до 3% при безработице около 5%.

Поскольку подобные долгосрочные характеристики могут быть результатом экономико-структурных различий, Гиббс разработал модель безработицы для США и Великобритании, которая показала, что устойчивые изменения правительства в каждой стране сопровождаются предсказуемым изменением уровня безработицы. В США долгосрочный или среднесрочный уровень безработицы при Демократах приблизительно на 2,5% ниже, чем при Республиканцах. Существуют подобного рода различия (немного меньше 1%) и в уровне безработицы в Великобритании между периодами правления лейбористов и консерваторов.

Объяснение этого видится в том, что предпочтения в пользу замедления темпов роста безработицы или, скорее даже, уменьшение числа безработных, сильнее у рабочего класса, который больше страдает от безработицы и, возможно, меньше от инфляции. Их предпочтения в пользу уменьшения безработицы ценой увеличения инфляции соотносятся с их объективными интересами, и они поддерживают партии левого толка, которые проводят политику, отражающую их интересы.

Эмпирические выводы Гиббса широко подвергались критике. По мнению Альта и Кристал, «межнациональная кривая Филлипса» является полезной иллюстрацией, но не очевидно, что экономическая теория лежит в основе различий между странами. Хотя существует очевидный контраст между рассмотренными Гиббсом крайними случаями, менее очевидно как много информации кривая дает относительно различий между странами в середине кривой. Более того, это ограниченное по времени явление. Некоторые страны демонстрируют отсутствие систематического выбора между безработицей и инфляцией в течение последующих десяти лет. Это отражает различную внутреннюю реакцию на общие воздействия и скорее даже изменения в инфляции в условиях плавающих обменных курсов. Возможно, период фиксированного обменного курса в конце 1950-х и 1960-х годах был единственным периодом, в котором страны действительно могли рассматриваться, как имеющие выбор вдоль границы инфляции, как описано Гиббсом (Alt and Chrystal, 1983, p. 114–115).

Натаниель Бек пересмотрел модель Гиббса для уровня безработицы в США и обнаружил меньше различий между партиями, хотя количественное различие сохраняется. В то же время, Бек обнаружил, что различия в уровне безработицы между разными правительствами, сформированными одной партией, больше, чем различия между различными правительствами, сформированными другой партией. «В послевоенных Соединенных Штатах только Трумэн и Джонсон выглядели как описанные Гиббсом Демократы; похожим образом, только Форд дей-

ствительно следовал образцу Республиканца по Гиббсу. Рассматривая только уровень безработицы, довольно трудно говорить, что Картер был Демократом» (Beck, 1982, p. 91).

Альт и Кристал не считают это совпадением, поскольку в тоже самое время, когда Картер действовал не как традиционный Демократ, британское Лейбористское правительство в конце 1970-х годов отказалось от курса на низкую безработицу в пользу контроля над инфляцией. В подтверждение этого Альт и Кристал ссылаются на заявление британского премьер-министра тех лет: «Я не думаю, что это [увеличение безработицы] будет уменьшено в течение некоторого времени ... до тех пор, пока мы пытаемся ограничить инфляцию в экономике ... это одно из последствий, которое мы должны нести» (Prime Minister Callaghan, London Times, 26.01.1977 цит. по Alt and Crystal, 1983, p. 116).

Следующий вариант политического делового цикла (вариант III) описывается моделью политического делового цикла Эдварда Тафта (Tuft, 1978), который предполагает, что предпочтения населения меняются под влиянием обстоятельств, освещения обстоятельств в СМИ, или, даже, под воздействием правительства. Последнее является отражением идеи, что правительство имеет возможности для широкого осуществления стратегических макроэкономических манипуляций, влияя на реальный располагаемый доход и уровень безработицы.

По мнению Тафта, существует «ускорение» в реальном располагаемом доходе в год выборов, что вызывает в США двухлетний цикл. Точнее говоря, реальный располагаемый доход всегда рос более быстро в год выборов, чем за год до них, тогда как уровень безработицы снижался за двенадцать-восемнадцать месяцев до президентских выборов, что вызывало четырехлетние циклы.

Тафт привел множество эмпирических подтверждений. Он утверждал, что: (1) ускорение роста реального располагаемого дохода чаще наблюдается в год выборов, чем в остальные годы в 19 из 27 стран, где изучались выборы за 1961–1972 гг.; (2) такое ускорение более часто в США в годы выборов в 1946–1976 (по крайней мере, если не рассматривать годы правления Эйзенхауэра); (3) уровень безработицы был ниже в момент выборов, чем за 12–18 месяцев до и через 6–8 месяцев после президентских выборов, если, опять, не рассматривать годы правления Эйзенхауэра; (4) имело место только несколько лет, когда безработица и инфляция сокращались, но большинство этих лет были годами президентских выборов; (5) увеличение реального располагаемого дохода в США, в среднем, наибольшее в год президентских выборов, когда действующий президент участвует в выборах, немного меньше, когда проводятся промежуточные выборы, затем слегка меньше, когда действующий президент не участвует в выборах, и, наконец, меньше всего в годы, когда выборы не проводятся; (6) увеличение пособий по социальному обеспечению в годы выборов производятся в течение года, а в годы, когда выборы не проводятся – с начала года; (7) необычно большое увеличение пособий ветеранам происходит в четвертом квартале выборного года; (8) существует «окно» между увеличением пособий по социальному обеспечению (объяв-

ляемому перед выборами) и их фактической выплатой (после выборов), выдающимся примером чего является 20% увеличение пособий в октябре 1972 г. и их фактической выплатой в январе 1973 г.; (9) трансферты имеют свойство «кучковаться», так что в годы президентских выборов, когда сильный президент находится в Белом доме, возникает пик платежей в последние месяцы перед выборами (иногда в октябре, иногда в ноябре), чтобы чеки были получены избирателями перед выборами; (10) объем денег в обращении имеет тенденцию, опять исключая годы правления Эйзенхауэра, быстрее увеличиваться в два года перед выборами, чем в два года после них.

По мнению Тафта, избиратели более чувствительны к темпам изменения, нежели чем абсолютным значениям. Политическая популярность увеличивается при снижении безработицы и ускорении роста реального располагаемого дохода в год выборов по отношению к предыдущему уровню, и Тафт полагает, что политики имеют достаточный арсенал средств для улучшения ситуации в год накануне выборов, в основном делая акцент на двух инструментах – налогообложении, точнее говоря, ставках налогов, и трансфертных платежах.

По мнению Альта и Кристал, нельзя отрицать, что одновременное внимание Тафта как к результатам, так и к инструментам, позволяет ему не только исследовать динамику безработицы и доходов в период выборов, но и то, как политики вызывают эти циклы. Однако проблема состоит в том, что использование более формальных методов анализа не подтверждает существование ожидаемых циклических тенденций. Избранный Тафтом описательный метод, часто дополняемый чрезмерно сильным предположением, что «все остальные условия являются одинаковыми», нередко содержит элементы категоричных суждений, основанных на малых количественных различиях. Например, Тафт показывает, что для всех стран приращение дохода в годы, когда выборы не проводятся, имеет вероятность 50%, а в годы выборов она составляет 64%. Вместе с тем, некоторые из рассмотренных стран не имеют фиксированных периодов выборов, так что правительства назначают выборы в периоды благоприятных условий, в результате чего рост доходов действительно совпадает с выборами. Поэтому это не может служить подтверждением того, что правительства формируют экономический курс в политических целях. Кроме того, дюжины примеров не достаточно для подтверждения различий между годами, когда выборы проводятся и не проводятся.

Далее, рассматривая гипотезу о падении безработицы перед выборами и ее росте после выборов, Тафт приписывает выборам 1972 г. подтверждение гипотезы, несмотря на то, что безработица падала еще несколько месяцев после выборов, оставаясь ниже уровня октября-ноября еще 18 месяцев, и превысила его только в сентябре 1974 г. Аналогично, Тафт рассматривает увеличение социальных пособий в феврале 1968 г. как «в течение года», а аналогичное увеличение в январе 1965 г. как «в начале года».

Еще более затрудняет анализ долгосрочный тренд в изменении уровня безработицы, так как безработица в США снижалась из-за фискальной политики и Вьетнамской войны бо-

лее или менее постоянно с 1961 по 1969 гг., подтверждая ожидания некоторых политических циклов. Неустойчиво также подтверждение, основанное на распределении трансфертных платежей. Хотя описанное Тафтом «окно» действительно существует, более яркий пример «окна» имел место далеко от времени проведения выборов (Winters et al., 1981).

Далее, хотя данные 1972 г. служат доказательством «кучкования», но выводы для 1964 и 1970 гг. не подтверждаются данными Министерства Торговли, и только 1962 г. может служить доказательством, хотя даже тогда имело место незначительное различие в месячном уровне пособий (Brown and Stein, 1982). Наконец, почти все ожидаемые зависимости не подтверждаются в период между 1976 и 1980 гг. Реальный доход падал перед выборами, а безработица непрерывно падала после выборов 1976 г. вплоть до 1979 г., а затем росла перед выборами в 1980 г.

Тем не менее, не все доказательства Тафта могут или должны быть отвергнуты. Иногда существуют наблюдаемые доказательства циклов, а иногда нет. Выборы Эйзенхауэра и Картера не подтверждают их существование, а правление Никсона (особенно 1972 г.) и, менее очевидно, но возможно, правление Трумена (особенно 1948 г.), а также бюджет Консерваторов 1955 г. в Великобритании, служат доказательством существования связи между экономическими индикаторами и выборами. Годы правления Кеннеди и Джонсона, которые являются свидетельством скорее устойчивого, чем циклического расширения экономики, заставляют проявлять осторожность в анализе электоральных циклов отдельно от долгосрочных трендов. Правление Форда отмечено нефтяным кризисом 1973 г., хотя 1976 и 1964 гг. не опровергают гипотез политического делового цикла. Это позволяет заключить, что предвыборное стимулирование экономики может применяться правительством, но до настоящего времени нет теорий, объясняющих, почему это иногда имеет место, а иногда нет. То, что работает время от времени, является неудовлетворительной моделью, заключают Альт и Кристал.

Кроме того, Тафт определил четыре правила для поведения властей (поддержка своих ключевых клиентов; делать то, что общество считает наиболее важным; понижать безработицу перед президентскими выборами; повышать реальные доходы перед любыми выборами), не определив соотношений между ними. Последнее делает возможным конфликт между правилами, в результате чего любые события могут быть интерпретированы как подтверждающие одно из них.

Наконец, анализ Тафта институционально не полон. Он подчеркивает влияние исполнительной власти Президента значительно больше, чем законодательной власти Конгресса. Четыре случая президентских выборов – 1948, 1964, 1972 и 1976 гг. – подтверждают выводы Тафта, хотя, по меньшей мере, в трех из них (1948, 1964 и 1976 гг.) изменения в налогообложении, а не трансферты использовались для стимулирования экономики. В 1964 г. сокращение налогов произошло в год выборов из-за того, что Конгресс не поддержал предложенное ранее Президентом Кеннеди сокращение налогов. В 1976 г. сокращение налогов, ко-

которые утвердил Конгресс, были больше предложенных Президентом Фордом. В 1948 г. республиканский Конгресс провел сокращение налогов, преодолев вето Президента Трумена. Перечисленные факты заставляют Альта и Кристал поставить вопрос: Если Конгресс иногда так важен, почему это не так в остальное время? (Alt and Chrystal, 1983, p. 120–122).

Наконец, если исходить из предположения, что политический курс формируется, исходя из общественных предпочтений, но эти предпочтения могут со временем меняться (вариант IV), то становится необходимым и возможным выйти за пределы мотивации политиков ограниченной экономическими категориями, и предположить категорию «удовлетворения» как мотив при формировании экономической политики.

Модель «удовлетворения» Поля Мосли (Mosley, 1976) предполагает наличие, по меньшей мере, одной из трех характеристик: информация предполагается ограниченной и платной, предпочтения относительно альтернативных результатов неполные и не обязательно транзитивны, желание благ удовлетворяемо и может отражать субъективный уровень стремления.

В модели Мосли правительство и электорат стремятся не допустить кризиса. Правительство не осуществляет точную регулировку и не направляет экономику к долгосрочным целям, а лишь вмешивается, когда экономические переменные движутся к «кризису». Кризис отражает негативную оценку состояния экономики электоратом. Такой подход предполагает, что (1) ухудшение положения в экономике понижает вероятность переизбрания действующих политиков, и (2) действующие политики не получают выгод от хорошего экономического управления, так что только политические цели экономической политики выводят экономику из кризиса.

Мосли считает, что подобная модель точно описывает реальное вовлечение правительств в экономическую политику. В его модели правительство рассматривает в каждый момент времени только одну цель в отличие, например, от одновременной оптимизации в модели Нордхауза, причем соответствующая цель определяется мнением общества, которое изменяется с ухудшением экономических условий. Периодическое вмешательство в экономику характеризует формирование политического курса, которое не связано с предпочтениями ключевых избирательных округов и электоральным календарем.

По мнению Мосли, изменения банковских и налоговых ставок, а также общественных инвестиций определяют кризисы в Великобритании с 1946 по 1971 г. Изменение более чем на £100 млн. в налоговых доходах в постоянных ценах 1946 г. или колебания инвестиций более чем на 50% от тренда или банковских ставок на 20% от тренда являются порогом, а годы, когда как минимум два из этих показателей превышали пороговые, являются кризисными.

Впоследствии Мосли расширил модель за счет учета связи популярности правительства и экономических кризисов: если на популярность правительства влияют только эконо-

мические кризисы, то для правительства уместно следовать стратегии «удовлетворения» (Mosley, 1978).

По мнению Альта и Кристал, модель Мосли основывается на важном взгляде на природу вмешательства правительства в экономику и изменчивости общественных предпочтений. Циклы могут возникать из-за экономической политики правительства, учитывающей одновременно только одну цель и за значительный период. Циклы могут также возникнуть из оптимизирующего поведения, но без дополнительного предположения Нордхауса, что правительство пытается использовать информационные преимущества, или предположения Хиббса, что политики обслуживают неизменные интересы своих ключевых избирательных округов.

Вместе с тем, методология Мосли основывается на учете наблюдаемых вмешательств, что ставит проблему определения значений порогов. Отклонения от тренда плохо подходят для этих целей, поскольку, например, пороговый уровень инфляции, определенный на основе временного тренда инфляции, относит многие предыдущие годы к «некризисным» только из-за высокого уровня инфляции в середине 1970-х. Тренд значений инфляции в Великобритании, включающий уровни 18–25% в 1974–1976 гг., будет значительно выше в 1960-х, чем если бы расчет тренда закончился на 1973 г. Например, уровень инфляции в последнем квартале 1964 г. был 4,4%, что больше значения тренда для этого квартал, рассчитанного за период 1955–1964 гг. (который дает 2,3%), и будет превышать значения тренда, если период его расчета продлить до 1974 г. Но Мосли полагает, что в 1964 г. инфляция была «некризисной», так как высокая инфляция имела место спустя десять полных лет (в 1975–1976 гг.) (Alt and Chrysal, 1983, p. 124).

Нельзя не согласиться с тем, что «некризисный» уровень не может определяться относительно показателей, которые будут иметь место через многие годы, а должен зависеть от недавних значений показателей. Возможно, изменение относительно среднего уровня недавней инфляции окажется более результативным способом определения «некризисного» значения, но, в целом, необходима изначальная модель «приемлемых стандартов», без которой невозможна эмпирическая проверка гипотез.

Обобщая результаты, полученные исследователями в рамках теории политического делового цикла, можно сказать, что выдвинутые в его рамках гипотезы и их эмпирическая проверка способствовали лучшему пониманию влияния политического фактора на экономическую политику. В результате понимание стало не только более глубоким, но и разносторонним, поскольку разные авторы часто исходили из противоположенных посылок. Например, Нордхаус полагал, что находящиеся у власти политики активно вмешиваются в экономику для увеличения вероятности победы на выборах, тогда как у Мосли политики стремятся только не допустить кризиса. Нордхаус полагал, что все правительства пользуются одним и тем же приемом, тогда как Гиббс акцентировал различия в действиях партий.

На базе рассмотренных работ о политическом деловом цикле в 1980-е годы было разработано множество более убедительных исследовательских концепций, включая «экономику голосования» Альт и Кристал (Alt and Chrysal, 1983) и «рациональную партийную теорию» Альберто Алезина (Alesina, 1987). Но в целом трудно полностью не согласится с оценкой, сделанной более 20 лет назад, в наиболее подробном и системном исследовании теории политического делового цикла, что «никто не может читать литературу о политическом деловом цикле и не поражаться отсутствию эмпирических доказательств. Должны быть случаи, когда политики осуществляют электорально мотивированное вмешательство в экономику. Трудно вообразить политика, не использующего какую-то дополнительную информацию и другие ресурсы. Но хотя это, очевидно, случается, и случается очень явно в некоторых случаях, такие циклы могут быть незначительными в сравнении с другими экономическими колебаниями. Политики, находящиеся у власти, могут иметь возможность дать себе значительные преимущества по сравнению с другими кандидатами. Но возможность влиять экономически – это только одно из множества возможных преимуществ находящегося у власти политика. Существование таких преимуществ может ничего не ухудшить вовсе или в долгосрочной перспективе.

Возможные альтернативы, также как и цели различных администраций, варьируются очень значительно, в противоположность фиксированным предпочтениям. Многие изменения окончательных целей политики, таких как безработица, эмпирически не подтверждаются. Основываясь на опыте, мы не можем сказать, что это происходит из-за того, что власти не используют политический деловой цикл или делают это неудачно. Это требует систематического изучения того, как законодатели реагируют на складывающиеся экономические условия» (Alt and Chrysal, 1983, p.125).

Позитивная политическая экономия

Третий период развития новой политической экономии пришелся на 1990-е годы, когда большое число исследователей изучало отдельные составляющие влияния политических институтов на экономику. В центре внимания оказывались механизмы лоббирования (Austen-Smith, 1997; Helpman and Persson, 1998; Prat, 1998; Grossman and Helpman, 1999; Felli and Merlo, 2000; Testa, 2000), роль опросов общественного мнения (Tangeras, 1998), механизмы финансирования политических партий (Ortin and Schultz, 2000) и многие другие вопросы. Состояние исследований в этот период обобщено Джудо Табеллини в представительном обзоре литературы (Tabellini, 2000).

Большое число проблем институционального характера рассмотрено в серии совместных работ трех авторов – Торстена Перссона, Жерара Ролана и Джудо Табеллини, – одна из которых посвящена исследованию результатов различий политических режимов по отно-

шению к общественным финансам и производству общественных благ (Persson, Roland and Tabellini, 1997). В этой работе сформулированы четыре принципа, которые, по мнению авторов, определяют политическую институциональную среду и поведение акторов: (1) делегирование – решения принимаются избранным правительством, а не напрямую жителями, (2) предвыборные обещания не выполняются – политика формируется политиками только после выборов, а не в ходе предвыборной борьбы, (3) политики являются оппортунистами – избранные политики стремятся только переизбираться и получать ренту, и в целях этого формируют политику, и (4) периодически проводятся выборы – избиратели контролируют политиков через периодические голосования. Перечисленные четыре принципа, несмотря на их простоту, являются логически непротиворечивыми и полными, что обеспечило их принятие за основу в большинстве исследований в этот период.

Итогом третьего периода, как представляется, может быть названа авторитетная работа Торстена Перссона и Джудо Табеллини «Политическая экономия» (Persson and Tabellini, 2000), в которой обобщены и сопоставлены результаты большого числа исследований. Начав с определения основных понятий инструментов новой политической экономии, таких как механизмы принятия решений, теорема о медианном избирателе, эгоистические и приверженные определенной идеологии партии, авторы обобщают политэкономические исследования в области перераспределительной политики, используют методы сравнительной статистики для анализа влияния различных политических институтов на экономические результаты взаимодействия политических партий, избирателей и различных групп интересов. В контексте обобщения результатов использования динамических моделей авторы фокусируются на проблемах налогообложения, государственного долга и экономического роста. Значительное внимание уделено исследованиям денежной политики, включая вопросы недоверия к денежной политике и связанный с этим рост инфляции, возникновению электоральных циклов, влиянию институциональных условий, включая независимое проведение денежной политики центральным банком, проблеме координации денежной политики в международном контексте.

Хотя Перссон и Табеллини заявляют целью своей работы объяснение размеров и форм перераспределительных программ, размера и типов обеспечиваемых общественных благ, выбора распределения налогового бремени между различными базами налогообложения, размера дефицита, размеров коррупции в государственном аппарате, денежной политики в ходе экономического и электорального циклов, в своем исследовании они далеко выходят за эти рамки. Отталкиваясь от работы Альта и Кристал (Alt and Chrystal, 1983), авторы заимствуют равновесный подход из макроэкономической теории и используют инструментальный рассмотренной выше теории рационального выбора для анализа классических проблем теории общественного выбора (Buchanan and Tullock, 1962; Olsen, 1965).

При этом авторы ограничивают себя исследованием демократической системы, двухпартийной моделью, уделяют очень ограниченное внимание местным общественным благам, вопросам неполной информации и информационной асимметрии, роли и поведению колеблющегося электората, используя для своего анализа предельно упрощенные модели.

Вместе с тем, сильной чертой работы Перссона и Табеллини является четкое формулирование и разграничение понятий. Так авторы повторяют широко распространенное мнение, что общество делится на две крупные группы. Первая состоит из более обеспеченных людей, которые платят больше налогов и заинтересованы в небольших адресных программах, тогда как менее обеспеченные платят меньше налогов и заинтересованы в масштабных программах, таких как перераспределение доходов через бюджет, пенсионное обеспечение и страхование от безработицы. На основе этого авторами вводится различие между политикой, в которой заинтересованы широкие слои общества, и политикой в интересах отдельных компактных групп.

Авторы также ясно различают формирование политиками предвыборных платформ на этапе выборов и формирование политического курса после прихода к власти. Авторы подчеркивают отсутствие формальных институтов принуждения для политиков по реализации после выборов данных в ходе предвыборной компании обещаний и ссылаются на эмпирическое исследование (Harrington, 1992), хотя и подчеркивают трудность проведения исследований такого рода, установившее, что выполняется только 30–40% предвыборных обещаний (Persson and Tabellini, 2000, p. 483). Это свидетельствует о неадекватности экстремальных взглядов, как о полной независимости предвыборных платформ и политического курса, так и, напротив, об их полной тождественности. Авторы считают, что при отсутствии формальных институтов связь между предвыборными обещаниями и политическим курсом могут обеспечивать неформальные институты информации и репутации. Последнее означает не только стремление политиков сохранить приверженность сторонников, но также голосование за находящихся у власти политиков на основе оценки соответствия предыдущей предвыборной платформы и политического курса.

Третьим четким противопоставлением, которое акцентируется в работе Перссона и Табеллини, является противопоставление модели электоральной конкуренции между несколькими партиями за голоса избирателей ретроспективной модели, в которой в двухпартийной системе избиратели отказывают в доверии правящей партии и автоматически приводят к власти оппозицию.

Вопрос выбора между этими концепциями, как представляется, следует рассматривать не исходя из числа партий, а руководствуясь характером поведенческой модели избирателей, поскольку именно избиратели либо выбирают из двух или более партий, либо голосуют против правящей партии. Возникающим в связи с этим вопросам о характере взаимного поведения правящей партии и оппозиции ниже будет уделено значительное внимание.

Четвертое удобное противопоставление, служащее основой для значительной части работы, является разграничение президентского и парламентского правления. В первом случае, победивший на выборах политический актер получает возможность единолично разработать и реализовывать политический курс. Во втором случае, политический курс является компромиссом предпочтений политических акторов, получивших необходимую поддержку избирателей.

Наконец, авторы допускают две возможные мотивации индивидуальных и коллективных политических агентов. Политики могут формировать предвыборные платформы и политический курс с целью переизбрания и извлечения «политической ренты», либо вместо этого быть приверженными проведению определенного политического курса. В этом дуализме авторы склоняются к первому подходу, но, вместе с этим отмечают, что влияние политической идеологии должно приниматься во внимание.

Как представляется, эта непоследовательность, особенно на фоне отмечаемого авторами наличия в литературе несоответствия между взглядом на граждан как рациональных и обладающих возможностью прогнозировать будущее экономических агентов, и одновременно абсолютно иррациональных участников выборов, создает серьезные затруднения.

Однако наибольшие методологические затруднения для Перссона и Табеллини создает стремление ограничить размерность политического курса, которую авторы оправдывают тем фактом, что достижение состояния устойчивого равновесия более вероятно в случае одноразмерной политики. Эмпирически этот случай никогда не существует, но это очевидная стартовая точка для начала исследований, и в дальнейшем авторы допускают возможность существования пространства политик размерностью больше единицы, но вводят ограничение, что по всем, за исключением одного вопросам, позиции акторов сходятся, или предпочтения могут быть спроецированы на одноразмерное пространство.

Этот подход довольно неожидан, однако действительно применим в ряде случаев. Например, при анализе бюджета, если установлено требование сбалансированности бюджета, большинство расхождений могут быть сведены к одномерной модели. Этот способ, однако, неприменим в случае динамической модели, допускающей наряду с изменением доходов также приватизацию, заимствования и тому подобные действия.

Однако даже если согласиться с тем, что «правительства, опирающиеся на одну единственную идею или на одно, легко поддающееся определению чувство, может быть и не самые лучшие, однако, несомненно, самые сильные и самые долговечные (де Токвиль, 2000, с. 138), на практике предпочтения избирателей всегда многомерны, а кроме того, наличие более одной пары альтернатив открывает возможность стратегического поведения, значительно искажающего результат.

Политическая конкуренция

Вниманием к проблеме многомерности политического курса характеризуется завершающая ретроспективу, вышедшая в 2001 г. монография «Политическая конкуренция: теория и применения», в которой Джон Рёмер возвращается к истокам новой политэкономии и противопоставляет идеологизированных акторов Дональда Уиттмана (Wittman, 1973) и идеологизированных политических агентов Доунса (Downs, 1957), полагая, что простота последних является чрезмерной и, фактически, удаляет политику из политической конкуренции (Roemer, 2001).

По мнению Рёмера, партии формируются группами интересов, которые имеют предпочтения, а значит, модель Доунса не является правильной с исторической точки зрения, поскольку история демократии – это история конкуренции между партиями, которые представляют конкурирующие за политический курс группы интересов. Это, как и другая критика модели Доунса, о которой будет сказано ниже, не помешали в итоге Рёмеру инкорпорировать подход Доунса в свою модель политической конкуренции.

Предваряя изложение последней, Рёмер параллельно анализирует подходы Доунса и Уиттмана, строя свой анализ на систематический и строгий манер, что дает возможность выявить ситуации, в которых эти подходы приводят к разным результатам.

Приняв за основу аналитическую схему: {Доунс, Уиттман} × {определенность, неопределенность} × {одномерность, многомерность}, – Рёмер последовательно рассматривает восемь соответствующих комбинаций. В схеме координата {Доунс/Уиттман} означает мотивацию политических агентов: максимизация вероятности победы на выборах {Доунс} или ожидаемой полезности от проводимого политического курса {Уиттман}; {определенность/неопределенность} означает, в первом случае, точное знание агентами распределения типов избирателей, или распределения вероятностей возможного распределения типов избирателей во втором случае; {одномерность/многомерность} означает размерность пространства политик.

Начиная в рамках классической американской исследовательской традиции с двухпартийной системы и наиболее простого случая – определенность и одномерность, – Рёмер доказывает, что такая модель, вне зависимости от мотивации политических агентов, приводит к единственному равновесию в точке, определяемой идеальными предпочтениями медианного избирателя. Этот результат становится еще одним пунктом критики теории Доунса. «С моей точки зрения, – пишет Рёмер, – любая модель, которая предсказывает, что партии предлагают одинаковую политику в условиях равновесия, не согласуется с другими основными постулатами реалистичной теории: что избиратели рациональны, и что партстроительство требует приверженности, финансовой или иной, от граждан. Если обе партии предлагают одинаковую политику и избиратели знают, что это произойдет, почему кто-либо должен тратить ресурсы на конкретную партию? Так что модель Доунса логически последовательна

только в рамках предположения, что проведение выборов и партстроительство являются предприятиями без издержек» (Roemer, 2001, p. 26–27).

Затем Рёмер рассматривает проблему неопределенности относительно поведения избирателей, которая является ключевым элементом для политической конкуренции, и без которой невозможно объяснить проведение дорогостоящих избирательных компаний. Действительно, следуя логике Рёмера, зачем тратиться, если, после оглашения предвыборных платформ, можно точно знать, какая партия победит, или что партии наберут равное число голосов (Roemer, 2001, p. 38). Отказ от борьбы для проигравшей партии, в первом случае, и подброшенная монета, во втором, будут лучшим решением, если только партии точно знают предпочтения избирателей.

Неопределенность можно представить, как справедливо указывает Рёмер, либо углубившись в процесс принятия решения индивидуальным избирателем, либо на «макро» уровне, рассматривая агрегированную реакцию электората на предложенные предвыборные платформы. Рёмером выбран второй вариант, который он моделирует с помощью трех различных подходов. При первом подходе неизвестно какая группа избирателей будет голосовать в день выборов, либо предпочтения избирателей не полностью известны политическим агентам, либо наличие устойчивых предпочтений избирателей сопровождается неполной информацией у избирателей, например, относительно того, какие последствия в конкретных условиях будут иметь предложенные политическими агентами предвыборные платформы. При втором подходе распределение избирателей между партиями известно с точностью до некоторой ошибки. Третий подход аналогичен второму, но инструментально применяется в случае конечного числа избирателей (конечного числа типов избирателей).

Используя второй подход к моделированию неопределенности, Рёмер получает различные результаты в зависимости от мотивации политических агентов. В условиях равновесия подход Доунса сохраняет сходимость платформ, тогда как подход Уитмана заставляет партии предлагать различающиеся предвыборные платформы.

	определенность	неопределенность
Доунс	политика сходится	политика сходится
Уитман	политика сходится	политика не сходится

Источник: Roemer, 2001, p.72

Рис. 9

Указанное приводит Рёмера к заключению, что подход Доунса и использование условий «определенности» являются ошибочными, если согласиться с тем, что на реальных выборах партии не предлагают одинаковых платформ.

Исследуя затем эндогенное формирование предпочтений политических агентов на базе подхода Уиттмана, Рёмер, фактически, получает модель «совершенной представительной демократии», в которой партии искренне отстаивают интересы своих избирателей, и находит для себя дополнительные подтверждения в пользу того, чтобы отвергнуть подход Доунса.

Дальнейшее исследование случаев многомерной политики в условиях определенности подтверждает известный в подходе Доунса факт об отсутствии политического равновесия. Рёмер, однако, расширяет это правило на случай мотивации политических агентов «по Уиттману».

Переход к условиям неопределенности приводит Рёмера к результатам, аналогичным полученным другими авторами (Coughlin, 1992; Lindbeck and Weibull, 1987), что при мотивации политических агентов по Доунсу политическое равновесие существует, а партии предлагают одинаковые платформы, хотя и не при всех подходах к моделированию неопределенности.

Это обстоятельство, в сочетании с отсутствием равновесия в условиях определенности, по мнению Рёмера, является причиной смещения интереса исследователей к применению других подходов: (1) игр со смешанными стратегиями, когда каждый игрок не знает в точности предпочтений других игроков, а знает только вероятностное распределение их предпочтений, (2) игр с последовательными выборками, (3) институционального подхода; (4) нечетких множеств; (5) циклического подхода, когда в условиях отсутствия равновесия по Нэшу партия 1 предлагает платформу, партия 2 предлагает лучший ответ на платформу партии 1, партия 1 предлагает лучший ответ на ответ партии 2 на платформу предложенную партией 1, и так далее до бесконечности.

Кратко, возражения Рёмера относительно данных подходов сводятся, соответственно, к (1) фактической открытости предпочтений игроков из-за публичного характера политических партий, (2) невозможности определить «естественную» очередность ходов игроков и имеющую место одновременность ходов, (3) несоответствию параметрам реальной электро-альной конкуренции, (4) неприменимости «непокрытых» множеств для равновесия в модели Уиттмана, и (5) несоответствию теоретических и практических результатов (Roemer, 2001, p. 145–148).

Обобщая приведенную критику, необходимо отметить, что значительная часть возражений Рёмера основывается на сопоставлении спецификации моделей и «реальной» политической конкуренции, тогда как прогностические способности соответствующих моделей не являлись предметом анализа. Это иллюстрирует проблему, характерную для новой полит-экономии в целом и заключающуюся в том, что теоретические модели, как правило, не верифицируются, а чаще всего и не могут быть верифицированы на эмпирических данных. И напротив, масштаб современных эмпирических исследований недостаточен для индуктивной разработки теоретической общей модели политического процесса.

Однако, по мнению Рёмера, причина существующих трудностей кроется в неправильной спецификации модели, что дает ему основания, предложить новую модель предпочтений политических агентов, инкорпорирующую подходы Доунса и Уитмана, в которой равновесие по Нэшу существует в чистых стратегиях.

Ключевым элементом новой модели является наличие в партиях трех фракций: активистов, оппортунистов и реформистов. Оппортунисты являются типичными эгоистически мотивированными агентами Доунса, которые хотят увеличить исключительно вероятность победы партии. Реформисты являются типичными агентами Уитмана, стремящимися максимизировать только ожидаемую полезность, зависящую от предпочтений партии относительно политики. Активисты являются новой группой. Они желают предложить платформу как можно ближе к идеальной платформе партии и почти/полностью не проявляют интереса к победе партии на выборах. Говоря словами Рёмера, «оппортунисты, реформисты и активисты заинтересованы, соответственно, в победе, политическом курсе и публичности» (Roemer, 2001, p. 7; 148).

По мнению Рёмера, аналогичный подход прослеживается в целом ряде других исследований. Карл Шорски описал деятельность трех подобных фракций в СДПГ в первом двадцатилетии XX века (Schorske, 1955; 1993). Джеймс Шлезингер полагает, что партии состоят из двух групп: членов партии, которые ищут для себя выгоды, и политиков, которые ищут возможность занять выборную должность (Schlesinger, 1991). Отметим, что Рёмер не скрывает, что в модели Шлезингера партии управляются политиками, которые выстраивают отношения с членами партии по схеме «принципал-агент» (Roemer, 2001, p. 154). Аарон Вилдавски аргументирует существование фракций, аналогичных активистам и реформистам, в стане Республиканцев на выборах Президента в США в 1964 г. (Wildawsky, 1965).

Таким образом, Рёмер выходит за рамки первоначально сформулированной исследовательской программы и переходит к схеме {многофракционность} × {неопределенность} × {многомерность}, которую затем применяет при анализе ряда проблем, таких как прогрессивное налогообложение доходов в демократических государствах, ограниченное перераспределение от богатых к бедным через налоговую систему, победа социалистов или ультра правых в Европе в период между двумя мировыми войнами, представление в США интересов крупного капитала обеими ведущими политическими партиями, эндогенного формирования предпочтений политических агентов.

Завершается работа Рёмера изучением случая трехпартийной политической конкуренции и формирования коалиционного правительства при отсутствии необходимого большинства у каждой из партий.

ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ НОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

В условиях, когда с каждым периодом развития новой политической экономики изменяется не только инструментарий, но и объект исследований, возможно, лучшим шагом является отказ от формирования очередной исследовательской парадигмы в пользу систематизации общих элементов в существующих концепциях, сначала в отношении институтов, а затем в отношении игроков.

Действительно, до настоящего времени в каждом новом политэкономическом исследовании предыдущие работы подвергаются анализу и конструктивной критике, но, при этом, дальнейшее продвижение осуществляется в ранее не занятых областях. Поэтому говорить о реальном соперничестве между исследовательскими концепциями и, следовательно, о возможности выбора между различными подходами, не представляется возможным. Пока можно засвидетельствовать лишь борьбу между исходными посылками, строгое сопоставление результатов использования которых еще впереди.

Вместе с тем, задача систематизации понятийного аппарата не сводится к изложению на систематический манер общих постулатов для рассмотренных выше исследований и концепций. Скорее речь может идти об определении более фундаментальных основ, которые являются базой для рассмотренных выше альтернативных посылок. Такими основами являются политические институты и поведенческие модели акторов.

Однако перед тем как приступить к их определению, целесообразно закрепить два активно используемых в дальнейшем понятия: «предвыборная платформа» и «политический курс». Первое есть предвыборные обращения конкурирующих политических кандидатов к избирателям, тогда как второе является действиями по использованию власти. Предвыборная платформа и политический курс являются многомерными, причем их размерность и структура являются инструментом политической борьбы за власть между политическими партиями. Платформа и курс являются также неоднородными, в том смысле, что могут адресоваться узким и широким группам акторов.

Политические институты

Политические институты являются, согласно новой институциональной теории, «правилами игры». В их числе можно выделить ряд конституционных институтов, являющихся базой для возникновения и развития других формальных и неформальных институтов. Вся совокупность институтов, в свою очередь, оказывает воздействие на характеристики политической системы, которые нельзя с однозначностью трактовать как институциональные, но в значительной мере оказывающие влияние на поведение политических акторов при фор-

мировании и реализации политического курса. Именно в такой последовательности будут рассматриваться вопросы в настоящем параграфе.

В табл. 2 систематизированы возможные «полярные» формы конституционных институтов.

Таблица 2

Вариации конституционных институтов

Институт	Возможные формы
Правила принятия решений	Единогласие (консенсус)
	Большинство голосов
Форма принятия решений	Прямая
	Представительная
Тип выбора представителей	Пропорциональная
	Мажоритарная
Тип правления	Президентское
	Парламентское

Источник: подготовлена автором

Очевидно, что каждый реальный институт не развивается в строгом соответствии с указанными полярными формами, а в большинстве случаев является промежуточным между ними. Кроме того, его характеристики во многом определяются его соотношением с другими институтами и фактическим «наполнением» формы содержанием, то есть не декларированными свойствами, а тем, чего добиваются акторы, действуя в рамках институтов. Рассмотреть эти вопросы в полном объеме, учитывая особенности реализации этих институтов в разном контексте, например, правил и форм принятия решений при выдвижении кандидатов от партии и при утверждении направлений расходования средств государственного бюджета, не представляется возможным. Поэтому лишь поясним суть конституционных институтов, представленных в табл. 2, и представим наиболее изученные свойства этих институтов.

Правила принятия решений могут варьироваться от консенсуса, когда для принятия решения требуется единогласное одобрение, до большого числа весьма сложных форм. На практике наиболее часто встречается правило большинства, которое может быть относительным, простым и квалифицированным. В первом случае, в качестве решения принимается альтернатива, получившая большую поддержку, чем другие альтернативы. Во втором случае, для принятия решения необходимо чтобы за альтернативу высказалось более 1/2 акторов. В третьем случае необходима поддержка альтернативы в размере не менее установленной доли акторов, которая, как правило, составляет 3/4 голосов.

В работах Томаса Кула (Cool, 2000) и Рустема Нуреева (Нуреев, 2002) представлен подробный анализ упоминавшихся выше правил принятия решений, а также некоторых весьма оригинальных, например, «одобряющего голосования» и принятие решения посредством наложения «вето», а также их поведенческих последствий, как например, возникнове-

ние стратегического поведения акторов в результате институционализации права «вето» при принятии решения по принципу единогласия.

Форма принятия решений может быть прямой, когда решения принимаются непосредственно акторами, например, в форме референдума, и представительной, где решения принимаются специально отобранными представителями акторов. В большом числе работ (см. напр.: Kollman, Miller and Page, 1997; Persson, Roland and Tabellini, 1997; Макаров и Данков, 2002) исследованы последствия применения этих форм принятия решений, а также связанные с этим проблемы.

Одним из наиболее важных отличий представительной формы принятия решений от прямой является ее «комплексность». Иначе говоря, отдавая свой голос тому или иному политическому представителю, актор одновременно высказывается в поддержку, точнее говоря, не возражает против всего комплекса политических позиций, составляющих предвыборную платформу представителя. Иначе говоря, выбор представителя, это часто выбор «меньшего зла», поскольку актор не может избрать несколько представителей, каждый из которых лучше других отражает его предпочтения по рассматриваемому вопросу, а должен выбрать только одного. Здесь уместно воспользоваться удачным примером Рёмера относительно представительства: если есть партия, отстаивающая интересы богатых, и партия, отстаивающая интересы бедных, причем первая религиозна, а вторая атеистична, то часть избирателей второй партии будет голосовать на выборах за первую партию по религиозным мотивам в ущерб своим экономическим интересам (Roemer, 2001). Прямая форма принятия решений, напротив, изначально предполагает отдельное и независимое выражение позиции актором по каждому вопросу.

Общей закономерностью выбора правил и формы принятия решений является зависимость между значимостью решаемого вопроса и издержками применения конкретного правила и формы. Так, для наиболее значимых вопросов, например, изменения конституционных институтов, существует тенденция использовать правило единогласия и прямую форму. Для менее значимых вопросов используется представительная форма и правило относительного большинства, когда принимается альтернатива, набравшая больше других голосов у представителей акторов. В первом случае издержки на информирование, техническое обеспечение волеизъявления и согласование интересов акторов несопоставимо выше, чем во втором случае.

Дальнейшие институты являются вариацией правил и формы принятия решений, однако, учитывая масштабы их влияния на результаты принимаемых решений, они могут и должны рассматриваться как отдельные институты.

Тип выбора представителей, иначе говоря, тип избирательной системы, определяет правило принятия решений относительно выбора представителей, которые могут выбираться от всех акторов по мажоритарному принципу или по пропорциональной системе. В первом

случае акторы, как правило, разбитые на кластеры по территориальному принципу, выбирают между конкретными альтернативными представителями. Во втором случае, каждый актор поддерживает один из альтернативных списков представителей, часть которых, пропорционально числу поддержавших список акторов становится представителями.

Тип выбора представителей оказывает определяющее воздействие на принимаемые решения. При пропорциональной системе представители зависят от порядка формирования списка и представляют интересы всех акторов, рассредоточенных по всей территории. Как следствие, представители склонны поддерживать решения, выгодные для всех акторов. При мажоритарной системе представители получают поддержку от обособленной группы акторов, что заставляет их ориентироваться на интересы этой группы.

Тип правления определяет правило принятия решения представителями. В случае президентского правления решения принимает только один представитель, который представляет интересы всех акторов, тогда как при парламентском правлении решения принимаются коллективно некоторым числом представителей согласно определенной для этого процедуре.

Также как и тип избирательной системы, тип правления оказывает влияние на поведение представителей и результаты принимаемых ими решений. При президентском правлении представитель, как правило, напрямую определяемый акторами, получает полномочия единолично принимать решения, тогда как при парламентском правлении каждый представитель вынужден вступать в коалиции с другими акторами. Как правило, тип правления определяет институт формирования исполнительной власти. При президентском правлении избираемый напрямую акторами представитель становится во главе исполнительной власти и исполняет полномочия до следующих выборов. При парламентском правлении глава исполнительной власти, как правило, определяется решением представителей.

В отношении парламентского правления это имеет два следствия. Во-первых, состав исполнительной власти зависит не от результатов выборов, а от результатов торга внутри представительного органа при формировании коалиционного большинства, необходимого для утверждения состава исполнительного органа. Во-вторых, при парламентском правлении имеется возможность в промежутке между выборами неоднократного роспуска исполнительного органа и формирования новой правящей коалиции без необходимости проведения досрочных выборов. По некоторым оценкам 45% всех исполнительных органов власти досрочно распускается (Diermeier and Stevenson, 1999).

Перечисленные здесь конституционные институты создают условия для возникновения и развития других институтов. Так, смешанная избирательная система, одновременно использующая мажоритарный и пропорциональный принцип, часто институционализируется в форме двухпалатного представительного органа, одна палата которого формируется по мажоритарному, а вторая – по пропорциональному принципу, при этом для принятия решения необходимо его одобрение обеими палатами. Другим примером являются правила деятельности

представителей, которые будучи объединенными в коллективные органы исполнительной и представительной власти институционализируют правила своей работы соответствующими регламентами, во многом определяющими результат принимаемых ими решений.

Значительную роль также играют характеристики политической системы, такие как, например, тип партийной системы, которая может быть двухпартийной или многопартийной, что определяется результатом взаимного влияния множества характеристик акторов, а также формальных, таких как правила проведения выборов, и неформальных, например, историей возникновения и развития политических партий, институтов. Хотя с позиции институциональной теории число партий является лишь числом игроков, но одновременно тип партийной системы ограничивает поведение акторов, а значит, обладает свойствами институтов. Применительно к политическим партиям это проявляется в необходимости анализа возможности формирования коалиций и поиска компромиссов в многопартийной системе, тогда как в двухпартийной системе одна из партий всегда имеет большинство и в дополнительных коалициях не нуждается. В отношении избирателей это приводит к необходимости выбирать между конкурирующими партиями, либо голосовать за/против правящей партии и, тем самым, сохранять ее у власти/приводить к власти оппозицию. Очевидно, что последняя поведенческая модель невозможна в многопартийной системе, поскольку простой отказ в поддержке правящей партии не достаточен для выбора новой правящей партии. С другой стороны, вопрос о поведении избирателей следует рассматривать, не исходя из числа партий, а руководствуясь характером поведенческой модели избирателей, поскольку именно избиратели либо выбирают из двух или более партий, либо голосуют против правящей партии.

Значительную роль играет институт финансирования политических партий, которые могут осуществлять свою деятельность на пожертвования сторонников, обязательные членские взносы и за счет государственного финансирования. Кроме того, значительную долю поддержки партии получают в форме времени, которое волонтеры из числа сторонников тратят на неоплачиваемую партийную работу.

Перечисленным далеко не исчерпывается состав формальных и неформальных политических институтов, детерминирующих политический курс и возможность создания правительства парламентского большинства. Некоторые институциональные различия, такие как унитарная или федералистская структура правительства, уровень автономии местных органов власти, институты коммуникации между политическими акторами, включая опросы общественного мнения и средства массовой информации, оставлены вне рассмотрения, хотя это не означает, что они не играют роли, или уровень их влияния на результат меньше.

Однако общее количество политических институтов и спектр их возможных вариаций настолько велики, что их полная систематизация и оценка характера влияния на политический курс в сфере экономики, особенно учитывая взаимное влияние институтов, представляет неразрешимую задачу, что показано многими авторами, бравшимися за эту работу.

Поведение политических акторов

В исследованиях в традиции новой политической экономии поведению политических акторов уделяется не меньше внимания, чем институциональным факторам. Это видно из представленного ранее ретроспективного обзора, где каждый из рассмотренных авторов выдвигал собственные поведенческие модели для политических акторов.

Так, Доунс акцентировал внимание на рациональном характере участия/неучастия избирателей в выборах и эгоистической мотивации политиков, стремящихся лишь получить и удержать власть. Авторы работ, составивших теорию политического делового цикла, также рассматривали эгоистическую мотивацию политиков, однако некоторые из них допускали возможность наличия у политиков некоторых идеологических пристрастий. Одним из ключевых элементов подхода Перссона и Табеллини является постулат об ориентированном на извлечение ренты поведении политиков. В работе Рёмера основным предметом критики работы Доунса является полный оппортунизм политиков, которому Рёмер противопоставляет идеологических акторов Уитмена.

Наряду с упомянутыми работами имело место множество исследований, обогативших новую политическую экономию огромным количеством конкретных выводов. В этих работах на первый план выносились политические партии, их функционирование, создание блоков, изменение взглядов людей, поведение элит, бюрократии и политиков. Например, в работе Герберта Саймона (Simon, 1957) анализировалось поведение избирателей при голосовании, когда они отдают свои голоса явным победителям, либо явному аутсайдеру предвыборной гонки. В первом случае избиратели понимают, что предпочитаемый ими актор не может победить на выборах, поэтому они ограничивают свой выбор наиболее вероятными победителями. Во втором случае, избиратели голосуют за партии, которые не имеют шансов на победу, чтобы сохранить возможность для этих партий участвовать в выборах в будущем, и сохранить возможность извлекать выгоды из электоральной конкуренции. Возможно, именно названные эффекты объясняют отмеченный Анатолием Головым факт, что избиратели часто признают «своей» одну политическую партию, а собираются голосовать за другую (Голов, 2003).

Другим примером вариации поведенческих моделей является возможность конкурентного, когда избиратель выбирает между конкурирующими предвыборными платформами, и ретроспективного, когда избиратель сохраняет у власти правящую партию или заменяет ее оппозицией, поведения при голосовании. В значительном числе исследований неявно делается выбор в пользу последнего по причине того, что рассматриваются двухпартийные политические системы. Вместе с тем, даже в двухпартийной системе возможно голосование как исходя из приемлемости результатов деятельности правящей партии, так и исходя из предпочтений относительно конкурирующих предвыборных платформ. Выбор между этими моделями не определен институционально и зависит только от избирателя.

В дополнение к упомянутым здесь и в предыдущей главе примерам, можно привести еще множество версий поведенческих моделей избирателей, каждая из которых будет точнее отражать отдельные аспекты и мотивы поведения избирателей, политиков и групп интересов. Вместе с тем убедительных эмпирических доказательств относительно правильности какого-то единственного подхода не имеется.

В таких условиях можно констатировать, перефразируя Альта и Кристал, что поведение всех политических акторов включает в себя рассмотренные выше, а также множество других, поведенческих моделей. Эти модели, накладываясь друг на друга, трансформируют предпочтения акторов в политические решения, при этом некоторые из них могут иногда приобретать больший вес и полностью детерминировать поведение акторов, а иногда отходить на второй план, скрываясь за другими поведенческими моделями.

Помимо этого, если речь идет о поведении избирателей, то преобладание в разные моменты времени различных мотиваций может взаимно погашаться. Например, если один избиратель имеет предпочтения голосовать за фаворита предвыборной гонки, но на выборах решил поддержать аутсайдера, то нет никаких подтверждений или опровержений той возможности, что среди всей массы избирателей найдется избиратель, предпочтениям которого соответствует голосование за аутсайдера, тогда как он будет голосовать за фаворита. В описанных условиях произойдет взаимное погашение эффектов голосования за фаворита и за аутсайдера, так что результат волеизъявления не изменится. Разумеется, такая логика не применима при анализе поведения небольшого числа акторов, например, политических партий или групп интересов, если рассматривать их как политические организации, обладающие свойствами «игроков».

Вместе с этим, как представляется, поведение всех акторов укладывается в рамки единой конструкции, включающей устойчивые предпочтения, динамическую значимость и рациональную поведенческую модель, обеспечивающую достижение цели. Политические предпочтения индивида формируются в раннем возрасте и сохраняются неизменными на протяжении всей жизни. Разумеется, различия в социальном и культурном контексте, как и многие другие факторы, приводят к вариации предпочтений у акторов. Социально-экономические исследования обеспечивают необходимые эмпирические данные относительно предпочтений акторов.

Наряду с неизменными предпочтениями акторы в разные моменты времени придают им разное значение. Например, избиратели в молодости склонны уделять больше внимания предпочтениям, связанным с трудовой занятостью, в среднем возрасте их больше волнуют вопросы образования детей, а в преклонном возрасте – вопросы здравоохранения и социального обеспечения. Значимость различных предпочтений меняется не только с возрастом, но и под воздействием изменения контекста, что фиксируется результатами опросов общест-

венного мнения. На значимость предпочтений избирателей также стремятся целенаправленно воздействовать политики и лоббисты.

В политэкономических исследованиях предпочтения и значимость часто не разделяют, что, возможно, оправдано в случае, если исследуется проблема, ограниченная небольшим промежутком времени. Вместе с этим, более широкие и глубокие исследования, как представляется, должны учитывать это различие. Причина этого не только в возможности изменений, но также в том, что при оценках и принятии решений акторы могут исходить исключительно из предпочтений, или исключительно из значимости, или их комбинации. Относящейся к психологии исследования в этой области, показывающие реальные зависимости, обещают значительный прорыв в новой политической экономии.

Относительно рациональных поведенческих моделей, как следует из представленных выше примеров из литературы, в новой политической экономии отсутствует единство, особенно если речь заходит о поведенческих моделях политиков. В этих вопросах нет единства не только относительно характера используемой информации и методах ее трансформации в решения, но также относительно целей, к достижению которых стремятся политики.

С другой стороны, относительно групп интересов наблюдается определенное единодушие. По общему мнению, группы интересов стремятся повлиять на результаты выборов и проводимый политический курс. Они добиваются своих целей, обеспечивая законодателям и избирателям дополнительную информацию (Austen-Smith, 1997) и воздействуя на избирателей, высказывая поддержку определенным кандидатам или политическому курсу (Grossman and Helpman, 1999). Другие задачи групп интересов состоят в побуждении избирателей координировать их голоса в поддержку одной и той же партии, организации протестов и забастовок, причем последний механизм ранее хорошо изучен, но недостаточно формализован. Лоббирование также осуществляется через индивидуальную работу с законодателями, что вовлекает группы интересов в механизм парламентского торга голосами.

На практике влияние групп интересов может принимать разные формы. Как отмечают Перссон и Табеллини, в США лоббирование довольно фрагментировано, и лоббисты ориентированы на работу с отдельными законодателями, тогда как в Европе группы интересов значительно крупнее, и имеется симбиоз между ними и политическими партиями, что является следствием институциональных различий между американской системой президент-конгресс и европейской парламентской системой, со свойственными последней устойчивыми коалициями парламентских партий (Persson and Tabellini, 2000, p.487).

В значительной мере деятельности лоббистов способствует государство, стимулируя, для решения «проблемы безбилетника», создание саморегулируемых организаций. В этой связи установление тождества лоббирования и подмены интересов государства в России в некоторых исследованиях представляется излишне негативным, особенно если вспомнить

крылатую фразу Гельмута Шмидта, что «правительства подобны тачкам – они полезны, но их нужно толкать».

Обобщая рассмотренное выше, представляется, учитывая возможность взаимного погашения различных элементов поведенческих моделей и затратный характер принятия решений, что наиболее продуктивной окажется следующая концепция поведенческих моделей политических акторов:

- избиратели голосуют за кандидата с целью обеспечить себе максимальную полезность от проводимого политического курса;
- политики формируют свои позиции с целью максимизировать поддержку избирателей;
- группы интересов оказывают воздействие на избирателей и политиков с целью обеспечить реализацию политического курса соответствующего их предпочтениям и значимости.

Наряду с этим, поведенческие модели могут также включать упоминавшиеся ранее эффекты примыкания к фавориту и аутсайдеру, а также эффекты «амнезии» и «близорукости». Два последних состоят в том, что акторы «забывают» прошлое и не «предвидят» будущие последствия сегодняшних решений. Эффект «амнезии» проявляется, например, когда избиратель, при принятии электорального решения, придает с течением времени все меньше значения имевшим в прошлом обстоятельствам. Интересно, что амнезия никак не связана с «близорукостью», поскольку любой уровень разрушения памяти совместим с близорукими ожиданиями.

Эффект «близорукости» проявляется, в том числе, когда избиратель делает электоральный выбор только на основании предвыборных платформ, не принимая во внимание, насколько реализуемы такие обещания. Экстремальная версия близорукости состоит от отсутствии у электората ожиданий относительно будущего, причем он озабочен экономическими и политическими вопросами только в период выборов. При этом политики выступают только как «свокорыстные манипуляторы», которые в борьбе за текущие электоральные преимущества не учитывают будущие последствия своих действий, а также проявляют невнимание к благосостоянию жителей и своей собственной долгосрочной репутации (Alt and Chrystal, 1983, p.104).

Другим примером близорукости является концентрация правящей партии на срок до следующих выборов, что придает экономическим условиям после следующих выборов нулевую значимость. Модель предложенная Дунканом МакРеем (MacRae, 1977) эмпирически проверяет предположение о близорукости, противопоставляя это гипотезе о том, что правительства максимизируют поддержку, ориентируясь на бесконечный горизонт. МакРей полагал, что в двух из четырех администраций в США политика характеризуется близорукостью. Альт (Alt, 1979) повторил модель МакРея для администрации Великобритании с 1951 года и

нашел подтверждения близорукости только в одном из пяти случаев. Поэтому, как считает Альт, от случая к случаю правительства могут практически давать электорату то, что, по мнению правительства, электорат хочет.

Аналогичного рода модели имеют место не только у избирателей и политиков, но и у лоббистов.

Вместе с этим, наличие множества элементов в политических моделях не должно скрывать тот факт, что (1) политики и политические партии стремятся выиграть выборы, (2) лоббисты и организованные группы интересов стремятся реализовать выгодный им политический курс, а (3) избиратели стремятся выбрать политиков, обеспечивающих им максимальную полезность. Другие мотивации возможны, но в более общем смысле они подчинены названным целям.

Представляется, что изложенная выше логика применима не только к индивидуальным акторам, но также к коллективным, таким как политические партии и организованные группы интересов. Причина их возникновения и контекст, в котором это происходило, определяют их предпочтения, значимость которых может варьироваться на различных этапах их развития и под воздействием внешних факторов. Поведенческие модели, с учетом особенностей строения организационной структуры, повторяют мотивацию политиков и лоббистов с учетом всех сделанных ранее замечаний.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая ретроспективный обзор исследований и систематизацию понятийного аппарата в традиции новой политической экономии, трудно не присоединиться к мнению Клауса фон Байме, отмечавшему, что к концу XX века сложилась удивительная ситуация пренебрежительного отношения к методологическим проблемам, возникшего вследствие углубленного разделения труда, когда теоретики «не отвечают за последствия применения их выводов на практике, а специалисты занимающиеся эмпирическими исследованиями, в свою очередь, не несут ответственности за несоответствие результатов их работы теоретическим концепциям и могут заниматься обсуждением методологических проблем исключительно с точки зрения техники исследования» (Байме, 1999, с. 499).

В этом смысле новая политическая экономия пока представляет благодатный объект для критики. Отсутствие эмпирических подтверждений, с одной стороны, и произвольный характер выдвигаемых предпосылок, с другой стороны, способствует нагромождению концепций и парадигм. Сегодня про новую политическую экономию можно сказать тоже, что Джон Кейнс сказал про математическую экономику в 1930-х годах, а именно, что она «представляет собой, по существу, простую мешанину, столь же неточную, как и те первоначальные допущения, на которых она основывается, причем авторы получают возможность забывать о сложных отношениях и взаимосвязях действительного мира, замыкаясь в лабиринте претенциозных и бесполезных символов» (Кейнс, 1999, с. 277).

Вместе с тем, признание того факта, что экономическая политика формируется в рамках политического процесса, политическими же акторами в контексте политических институтов, а ее содержание и результаты во многом определяются политическим «происхождением», является главным результатом полувековых усилий многих ученых и исследователей, объединенных традицией новой политической экономии.

К сожалению, вклад России в этот результат пока незначителен. В приведенном обзоре в силу разных причин не представлены исследования, которые ведутся в России. Российская экономическая литература в традиции новой политической экономии несопоставима как по объему, так и по широте охвата. Мы надеемся, что ситуацию несколько улучшит издание на русском языке авторитетного справочника (Гудин и Клиngerманн, 1999), монографии Дитера Брюммерхоффа (Брюммерхофф, 2002), в которой в отдельной главе рассматриваются процесс принятия коллективных решений в представительных демократиях, а также уже упоминавшегося учебного пособия по теории общественного выбора (Нуреев, 2002–2003). Хочется верить, что это приблизит то время, когда удастся подготовить представительную ретроспективу российских исследований в традиции новой политической экономии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алмонд Г. Политическая наука: история дисциплины / Политическая наука: новые направления. Под ред. Гудин Р. и Х.-Д. Клингеманн. – М.: «Вече», 1999. С. 69–112.
2. Альт Д. и А. Алезина Политическая экономия: общие проблемы / Политическая наука: новые направления. Под ред. Гудин Р. и Х.-Д. Клингеманн. – М.: «Вече», 1999. С. 625–656.
3. Аткинсон А. Политэкономия: вчера и сегодня / Политическая наука: новые направления. Под ред. Гудин Р. и Х.-Д. Клингеманн. – М.: «Вече», 1999. С. 685–696.
4. Байме К. Политическая теория: эмпирическая политическая теория. / Политическая наука: новые направления. Под ред. Гудин Р. и Х.-Д. Клингеманн. – М.: «Вече», 1999. С. 495–506.
5. Брюммерхофф Д. Теория государственных финансов. – Владикавказ: Пионер-пресс, 2001.
6. Голов А. Классовые интересы и голосование на думских выборах. – М.: ВЦИОМ, 22 июля 2003.
7. Гудин Р. и Х.-Д. Клингеманн (ред.) Политическая наука: новые направления. / пер. с англ. М.М. Гурвица, А.Л. Демчука, Т.В. Якушевой. Научный редактор Е.Б. Шестопап. – М.: «Вече», 1999.
8. Кейнс Д. Общая теория занятости, процента и денег. – М.: Гелиос АРВ, 1999.
9. Маджоне Д. Социальная политика и управление: идеи, интересы и институты. / Политическая наука: новые направления. Под ред. Гудин Р. и Х.-Д. Клингеманн. – М.: «Вече», 1999. С. 589–607.
10. Макаров В.Л., Данков А.Н. Межтерриториальная и электоральная конкуренция: сравнительный анализ влияния политических институтов. / Препринт # 2002/032. – М.: РЭШ, 2002.
11. Мэр П. Сравнительная политология: общие проблемы. / Политическая наука: новые направления. Под ред. Гудин Р. и Х.-Д. Клингеманн. – М.: «Вече», 1999. С. 309–329.
12. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
13. Нуреев Р. Теория общественного выбора // Вопросы экономики, 2002–2003.
14. Ротстайн Б. Политические институты: общие проблемы. / Политическая наука: новые направления. Под ред. Гудин Р. и Х.-Д. Клингеманн. – М.: «Вече», 1999. С. 149–180.
15. де Токвиль А. Демократия в Америке. Пер. с фран. / Пред. Г. Ласки. – М.: Из-во «Весь мир», 2000.
16. Ульямсон О. Экономические институты капитализма: фирмы, рынки, «отношенческая контрактация». – СПб.: Лениздат, CEV Press, 1996.
17. Хофферберт Р., Сингранелли Д. Социальная политика и управление: сравнительный политический анализ / Политическая наука: новые направления. Под ред. Гудин Р. и Х.-Д. Клингеманн. – М.: «Вече», 1999. С. 570–587.
18. Чилкот Р. Теории сравнительной политологии. – М.: «Инфра-М», «Весь Мир», 2001.
19. Aghion P., Alesina A. and F. Trebbi, 2002, Endogenous Political Institutions. NBER Working Papers #W9006.
20. Alesina A., 1987, Macroeconomic Policy in a Two Party System as a Repeated Game // Quarterly Journal of Economics, #102. pp.651–678.
21. Alt J. and A. Chrysral, 1983, Political economics. Berkeley: University of California Press.
22. Alt J., 1979, The Politics of Economic Decline. Cambridge: Cambridge University Press.
23. Arrow K., 1951, Social choice and individual value. New Haven: Yale University Press.
24. Austen-Smith D. and J. Banks, 1988, Elections, Coalitions and Legislative Outcomes // American Political Science Review, #82. pp. 407–422.
25. Austen-Smith D., 1987, Interest Groups, Campaign Contributions and Probabilistic Voting. // Public Choice, #54. pp. 123–139.
26. Austen-Smith D., 1997, Interest Groups: Money, Information and Influence / in Perspectives on Public Choice. Ed by D. Mueller NY: Cambridge University Press. pp. 296–321.
27. Baron D., 1991, A Spatial Bargaining Theory of Government Formation in Parliamentary Systems // American Political Science Review, #85. pp.137–165.
28. Batler D. and D. Stokes, 1969, Political Change in Britain. London: Macmillan.
29. Bawn K., 1993, The Logic of Institutional Preferences: German Electoral Law as a Social Choice Outcome // American Journal of Political Science, #37. pp.965–989.

30. Beck N., 1982, Parties, Administrations, and American Macroeconomic Outcomes // *American Political Science Review*, #76, pp.89–93.
31. Berle A. and G. Means, 1932, *The Modern Corporation and Private Property*. NY: Harcourt, Brace & World.
32. Bianco W. and R. Bates, 1990, Cooperation by Design: Leadership, Structure and Collective Decisions // *American Political Science Review*, #84. pp.133–147.
33. Bicchieri C., 1993, *Rationality and Coordination*. Cambridge: Cambridge University Press.
34. Black D., 1958, *The theory of committees and elections*. Cambridge: Cambridge University Press.
35. Brennan G. and J. Buchanan, 1984, Voter Choice: Evaluating Political Alternatives // *American Behavioral Scientist*, #28. pp.185–201.
36. Brown L. (ed.), 1993, *The New Shorter Oxford English Dictionary*.
37. Brown T. and A. Stein, 1982, The Political Economy of National Elections // *Comparative Politics*, #14. pp.479–497.
38. Buchanan J. and G. Tullock, 1962, *The Calculus of Consent*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
39. Calvert R., 1995, The Rational Choice Theory of Social Institutions / *Modern Political Economy*. Ed. by Banks J. and E. Hanushek. NY.: Cambridge University Press. pp. 216–267.
40. Coase R., 1937, The Nature of Firm // *Econometrica*, #4. pp. 386–405.
41. Coase R., 1984, *The New Institutional Economics* // *Journal of Institutional and Theoretical Economics*
42. Cogan J., 1994, The Congressional Budget Process and the Federal Budget Deficit // *Encyclopedia of the American Legislative System* / Ed. by J. Silbey. NY.: Scribner's. pp.1333–1345.
43. Cool T., 2001, Voting theory for democracy.
44. Coughlin P., 1992, *Probabilistic Voting Theory*. Cambridge: Cambridge University Press.
45. Cowhey P. and M. McCubbins, 1995, *Structure and Policy in Japan and the United States*. NY.: Cambridge University Press.
46. Cox G. and F. Rosenblath, 1993, The Electoral Fortunes of Legislative Factions in Japan // *American Political Science Review*, #87. pp.577–589.
47. Cox G. and M. McCubbins, 1993, *Legislative Leviathan*. Berkely: University of California Press.
48. Crouch C., 1986, Sharing Public Space and Organized Interest in Western Europe / *States in History*. Ed. by J. Hall. –Oxford: Blackwell. P.162–184.
49. Crystal D. (ed.), 1990, *Cambridge Encyclopedia*. Cambridge: Cambridge University Press.
50. Dahl R. and C. Lindblom, 1953, *Politics, Economics and Welfare*. NY
51. Dahl R., 1963, *Modern Political Analysis*. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice Hall.
52. Diermeier D. and R. Stevenson, 1999, Cabinet Survival and Competing Risks // *American Journal of Political Science*, №43. -pp.1051–1098.
53. Downs, A., 1957, *An Economic Theory of Democracy*, New York: Harper & Row.
54. Dreze J. and A. Sen, 1995, Introduction / *The Political Economy of Hunger*. Ed. by Dreze J., Sen A. and A. Hussian. Oxford:Oxford University Press.
55. Elster J., 1989, *The Cement of Society*. NY. Cambridge University Press.
56. Erikson R., Wright G. and J. McIver, 1993, *Statehouse Democracy: Public Opinion and Policy in the American States*. NY.: Cambridge University Press.
57. Eskridge W., 1991, Reneging on History? Playing the Court/Congress/President Civil Rights Game // *California Law Review*, #79. pp.613–684.
58. Felli L. and A. Merlo, 2000, *Endogenous Lobbying*. New York, C.V. Starr Center – Working Papers 00-04, New York University, C.V. Starr Center
59. Ferejohn J. and C. Shipan, 1989, *Congress and Telecommunications Policy: The Role of Committees* / in *New Directions in Telecommunications Policy*. Ed by P. Newberg. Duke University Press.
60. Ferejohn J. and D. Satz, 1995, Unification, Universalism and Rational Choice Theory. *Critical Review*.
61. Ferejohn J., 1991, Rationality and Interpretation: Parliamentary Elections in Early Stuart England / *The Economic Approach to Politics. A critical Reassessment of the Theory of Rational Choice*. Ed. by K. Monroe. NY.: Harper Collins. pp.279–305.
62. Fiorina M., 1981, *Retrospective Voting in American National Elections*. New Haven (Conn.): Yale University Press.
63. Fiorina M., 1989, *Congress: Keystone of the Washington Establishment*. New Haven (Conn.): Yale University Press.

64. Frey B., 1978, A Politico-Economic Model of the United Kingdom // *Economic Journal*, #88. pp.243–253.
65. Friedman M., 1953, *Essay on Positive Economics*. Chicago: University of Chicago Press.
66. Friedman M., 1953, *Essay in Positive Economics*. Chicago: University of Chicago Press.
67. Gerber E., 1996, Legislative Response of Threats of Popular Initiatives // *American Journal of Political Science*, #40
68. Green D. and I. Shapiro, 1994, *Pathologies of Rational Choice Theory. A Critique of Applications in Political Science*. New Haven: Yale University Press.
69. Grossman G. and E. Helpman, 1999, Competing for Endorsements // *American Economics Review*, #89. pp.501–524.
70. Hardin R., 1989, *Why a Constitution? / The Federalist Papers and the New Institutionalism/* Ed. by B. Grofman, D. Wittman. NY.: Agathon Press. pp.100–120.
71. Harrington J., 1992, The Revelations of Information through Electoral Process: An Exploratory Analysis // *Economics and Politics*, #4. pp.255–275.
72. Helpman E. and T. Persson, 1998, *Lobbing and Legislative Bargaining*. Mimeographed.
73. Herring P., 1929, *Group Representation before Congress*. Washington (D.C.): Brookings Institutions.
74. Hibbs D., 1977, Political Parties and Macroeconomics Policy // *American Political Science Review*, #71. pp.1467–1487.
75. Hibbs D., 1979, Letter // *American Political Science Review*, #73. pp. 185–190.
76. Hibbs D., 1982a, The Dynamic of Political Support of American Presidents Among Occupational and Partisan Groups // *American Journal of Political Science*, #26. pp.312–332.
77. Hibbs D., 1982b, *The American Political Economy*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press.
78. Hibbs D., 1982c, Economic Outcomes and Political Support for British Governments Among Occupational Classes: A Dynamic Analysis // *American Political Science Review*, #76. pp.259–279.
79. Horn M., 1995, *The Political Economy of Public Administration*. NY.: Cambridge University Press.
80. Hotelling H., 1929, Stability in Competition // *Economics Journal*, #39. p.41–57.
81. Keynes J., 1936, *The General Theory of Employment, Interest and Money*.
82. Kiewiet R. and M. McCubbins, 1991, *The Logic of Delegation*. Chicago: University of Chicago Press.
83. Klingemann H., Hofferbert R. and I. Budge, 1994, *Parties, Policies and Democracy*. Boulder, Colo.: Westview Press.
84. Kollman K., Miller J. and S. Page, 1997, Political Institutions and Sorting in a Tiebout Model // *American Economic Review*, #87. pp. 977–992.
85. Kousser J., 1974, *The Shaping of Southern Politics*. New Haven (Conn.): Yale University Press.
86. Krehbiel K., 1991, *Information and Legislative Organization*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
87. Kreps D., 1990, *Corporate Culture and Economic Theory / Perspectives on Positive Political Economy*. Ed. by J. Alt and K. Shepsle. NY.: Cambridge University Press. pp.90–143.
88. Landes D. and R. Posner, 1975, The Independent Judiciary in an Interest Group Perspective // *Journal of Law and Economics*, #18. pp.875–901.
89. Lasswell H., 1948, *The Analysis of Political Behaviour. An Empirical Approach*. -L.:Routledge & Kegan Paul Limited.
90. Laver M. and K. Shepsle, 1996, *Making and Breaking Governments: Cabinets and Legislatures in Parliamentary Democracies*. NY: Cambridge University Press.
91. Laver M. and N. Schofield, 1990, *Multi Party governments*. Oxford: Oxford University Press.
92. Lazarsfeld P., Berselson B. and H. Gaudet, 1944, *The People's Choice*. NY: Columbia University Press.
93. Levi M., 1990, A Logic of Institutional Change / *The Limits of Rationality*. Ed. by K. Cook and M. Levi. Chicago: University of Chicago Press. pp.402–419.
94. Lindbeck A. and J. Weibull, 1987, Balanced-Budget Redistribution as the Outcome of Political Competition // *Public Choice*, #52. pp.273–297.
95. MacRae G., 1977, A Political Model of the Business Cycles // *Journal of Political Economy*, #85. pp.239–263.
96. Majone G., 1989, *Evidence, Argument and Persuasion in the Policy Process*. New Haven (Conn.): Yale University Press.
97. March J. and J. Olsen, 1984, The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life // *American Political Science Review*, #78. pp.734–749.

98. March J. and J. Olsen, 1989, *Rediscovering Institutions*. –NY: Free Press.
99. Matthews S., 1989, Veto Threats: Rhetoric in Bargaining // *Quarterly Journal of Economics*, #104. pp.347–369.
100. McCubbins M. and T. Schwartz, 1984, Oversight Overlooked: Police Patrols vs. Fire Alarms // *American Journal of Political Science*, #28. pp.165–179.
101. McCubbins M., 1989, Party Governance and US Budget Deficit: Divided Government and Fiscal Stalemate / *Politics and Economics in the Eighties*. Ed by. A. Alesina and G. Carliner. Chicago: University of Chicago Press. pp.83–111.
102. McCubbins M., Noll R. and B. Weingast, 1987, Administrative Procedures as Instrument of Political Control // *Journal of Law, Economics and Organization*, #3. pp. 243–277.
103. McCubbins M., Noll R. and B. Weingast, 1989, Structure and Process politics and Policy // *Virginia Law Review*, #75. pp. 431–483.
104. Milgrom P. and J. Roberts, 1990, Bargaining Costs, Influence Costs, and the Organization of Economic Activity / *Perspectives on Positive Political Economy*. Ed. by Alt and Shepsle. NY.: Cambridge University Press. pp. 57–89.
105. Miller G. and T. Moe, 1983, Bureaucrats, Legislators and the Size of Government // *American Political Science Review*, #77. pp. 297–322.
106. Moe T., 1985, *The Politicized Presidency / The New Direction in American Politics*. Ed. by J. Chubb and P. Peterson. Washington (D.C.): Brooking Institutions. pp.235–271.
107. Moe T., 1987, Interests, Institutions and Positive Theory: The Politics of the NLRB // *Studies in American Political Development*, #2. pp.236–299.
108. Moe T., 1989, *The Political Structure of Agencies / Can the Government Govern?* Ed. by J. Chubb and P. Peterson. Washington (D.C.): Brooking Institutions. pp.267–329.
109. Moe T., 1990, Political Institutions: The Neglect Side of the Story // *Journal of Law, Economics and Organization*, #6. pp. 213–253.
110. Mosley P., 1978, Images of the Floating Voter, or the Political Business Cycle // *Political Studies*, #26.
111. Niskanen W., 1971, *Bureaucracy and Representative Government*. Chicago: Aldine-Atherton.
112. Noll R., 1987, *The Political Foundations of Regulatory Policy / Congress: Structure and Policy*. Ed. by M. McCubbins and T. Sullivan. NY.: Cambridge University Press. pp.462–492.
113. Noll R., 1989, Economic Perspectives on the Politics of Regulation / *Handbook of Industrial Organization*. Ed. by R. Schmalensee and R. Willig. Amsterdam: North-Holland. Vol 2. pp.1253–1287.
114. Nordhaus W., 1975, The Political Business Cycle // *Review of Economic Studies*, #42. pp. 169-190.
115. North D., 1990, *Institutions, Intitutional Change in Economic Performance*. NY.: Cambridge University Press.
116. Olson M., 1965, *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups*. Cambridge: Harvard University Press.
117. Olters, J.-P., 2001, *Modeling Politics with Economic Tools: A Critical Survey of the Literature*. Washington: IMF. Working Paper WP/01/10.
118. Ordeschook P., 1993, Constitutional Stability // *Constitutional Political Economy*, #3. pp.137–175.
119. Ortin, I. and C. Schultz, 2000, *Public Funding of Political Parties*.
120. Persson T. and G. Tabellini, 2000, *Political Economics: Explaining Economic*.
121. Persson T., Roland G. and G. Tabellini, 1997, *Comparative Politics and Public Finance*
122. Prat A., 1998, *Campaign Spending with Office-Seeking Politicians, Rational Voters, and Multiple Lobbies* – Tilburg University.
123. Riker, W. and P. Ordeshook, 1973, *An Introduction to Positive Political Theory*, Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
124. Rodrigues D., 1994, The Positive Political Dimensions of Regulatory Reform // *Washington University Law Quarterly*, #72. pp.1–150.
125. Roemer J., 2001, *Political Competition: Theory and Applications*. Harvard University Press.
126. Rothenberg L., 1994, *Regulation, Organizations and Politics*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
127. Scharpf F., 1994, *Optionen des Föderalismus in Deutschland und Europa*. Frankfurt: Campus.
128. Schattschneider E., 1935, *Politics, Pressures and the Tariff*. Englewood Cliffs, NY: Prentice Hall.
129. Schlesinger J., 1991, *Political Parties and the Winning of Office*. Chicago: University of Chicago Press.

130. Schofield N., 1992, A Theory of Coalition Government in a Spatial Model of Voting. Working Paper. Center of Political Economy, Washington University.
131. Schofield N., 1993, Party Competition in a Spatial Model of Coalition Formation / in *Political Economy: Institutions, Competition and Representations*. Ed. by Barnett W., Hinch M. and N. Schofield Cambridge: Cambridge University Press. pp.135-174.
132. Schorske C., 1955, 1993, *German Social Democracy, 1905-1917*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
133. Schotter A., 1981, *The Economics Theory of Social Institutions*. Cambridge: Cambridge University Press.
134. Schumpeter J., 1947, *Capitalism, Socialism and Democracy*. NY.: Harper.
135. Scott W., 1991, Unpacking Institutional Arguments / *The New Institutionalism in Organizational Analysis*. Ed. by W. Powell and P. Di Maggio. Chicago: University of Chicago Press. pp.164–193.
136. Selznick P., 1992, *The Moral Commonwealth: Social Theory and the Promise of Community*. Berkley: University of California Press.
137. Shepsle K., 1986, Institutional Equilibrium and Equilibrium Institutions / *Political Science: The Science of Politics*. Ed. by H.A. Weisberg. NY.:Agathon. pp.51–81.
138. Simon H. A., 1947, *Administrative Behavior*. -NY: Free Press.
139. Simon H. A., 1957, *Models of Man Social and Rational. Mathematical Essays on Rational Human Behavior in a Social Setting*. – N.Y.: John Wiley & Sons, Inc.
140. Smithies A., 1941, Optimum Location in Spatial Competition // *Journal of Political Economy*, #49, pp. 423–439.
141. Snyder J., 1991, On Buying Legislature // *Economics and Politics*, #3. pp.93–110.
142. Steinmo S. and K. Theken, 1992, *Historical Institutionalism in Comparative Politics / Structuring Politics: Historical Institutionalism in Comparative Politics*. Ed. by S. Steinmo, K. Theken and F. Longstreth. NY.: Cambridge University Press.
143. Tabellini, G., 2000, *Constitutional Determinants of Government Spending*.
144. Tangeras T., 1998, *On the Role of Public Opinion Pools in political Competition*. Stockholm: IIES of Stockholm University. Seminar Paper #665.
145. Testa C., 2000, *Bargaining, Voting and Lobby Power*.
146. Tufto, 1978, *The Political Control of the Economy*. Princeton: Princeton University Press.
147. Vlachos, J., 2003, *Who Wants Political Integration? Evidence from the Swedish Eu-Membership Referendum*
148. Weingast B. and M. Moran, 1983, Bureaucratic Discretion of Congressional Control: Regulatory Policy-Making by the FTC // *Journal of Political Economy*, #91. pp.765–800.
149. Weingast B., 1984, *The Congressional-Bureaucratic System: A Principal-Agent Perspective // Public Choice*, #44. pp. 147–191.
150. Weingast B., 1995, *The Economic Role of Political Institutions: Federalism, Markets and Economic Development // Journal of Law, Economics and Organization*, #11. pp.1–31.
151. Wendt A., 1992, *Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics // International Organization*, #46. pp.391–425.
152. Wildavsky A., 1965, *The Goldwater Phenomenon: Purists, Politicians and the Two-Party System // Review of Politics*, #27. pp.386–413.
153. Winters R., Johnson C., Nowosadko P. and J. Rendini, 1981, *Political Behavior and American Public Policy: The Case of the Political Business Cycle / in Handbook of Political Behavior*. Vol. 5. Ed. by S. Long, NY: Plenum Publishing.
154. Wittman D., 1973, *Parties as Utility Maximizers // American Political Science Review*, #77.

ОБ АВТОРЕ

Александр Николаевич Данков – заведующий лабораторией Моделирования экономико-политических процессов Центрального экономико-математического института Российской академии наук.

e-mail aldankov@cemi.rssi.ru

phone +7 095 332 4310

www www.politlab.org